

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 8 (46)/2011
АВГУСТ

Виктор ВЛАСОВ
с. 2

Владивосток. Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, с. Чугуевка

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»
Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.

Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 6 печатных листов.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 17 июля в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Август 2011 года

№ 8 (46)

- с. 2. **Путеводитель.** Виктор ВЛАСОВ
- с. 4. **Проза.** Виктор ГУСАРОВ
- с. 6. **Проза.** Александр ДЕГТЯРЁВ
- с. 8. **Записки капитана
дальнего плавания.** Юрий ПАНЧЕНКО
- с. 10. **Поэзия.** Николай ЧАЙКА
- с. 11. **Поэзия.** Александр ЕГОРОВ
- с. 12. **Поэзия.** Игорь КАЛИШ
- с. 13. **Поэзия.** Александр НИКИТЕНКО
- с. 14. **Проза.** Лидия СЫЧЁВА
- с. 18. **Проза.** Людмила БЕРЕСТОВА
- с. 21. **Проза.** Георгий ПАШНЁВ
- с. 22. **Проза.** Людмила ЩИПУНОВА
- с. 23. **Письмо в редакцию.**

Августовский номер «Литературного меридиана» выходит в свет без профессиональной корректорской правки. Просим прощения у наших авторов и читателей за возможные филологические огрехи.

Редколлегия

ОМСК, КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ ТОЧКА НА КАРТЕ РОССИИ

Виктор ВЛАСОВ,
г. Омск

Есть ли в городе на слиянии Оми с Иртышом литературная жизнь? Приехав ненадолго в Омск, писатели из «Литературного Экспресса» увезли с собой немало подаренных книг сибирских авторов и местных литературных журналов: «Складчина», «Литературный Омск», «Преодоление», «Вольный лист», «Пилигрим», «Водолей», «Иртыш-Омь», «Тарские ворота» и другие. Людей талантливо пишущих – много, кипит литературная жизнь моего родного города.

Не проходит недели, чтобы омский писатель и поэт не появился в газетах «Вечерний Омск», «Аргументы и Факты», «Ореол», «Труд-7», наконец «Омское время» и «Красный путь». Лидируют по публикациям: Николай Березовский, Юрий Перминов, Сергей Денисенко, Алексей Декельбаум, Александр Лейфер, Олег Клишин, Вероника Шелленберг. Практически постоянно на страницах «Литературной газеты» и «Литературной России» появляются рассказы и стихи, критические статьи омских писателей.

На виртуальных страницах «Журнального зала» регулярно находишь знакомые фамилии омских литераторов в новых номерах журналов «Сибирские огни», «День и Ночь», «Наш современник», в «Огнях Кузбасса» и в «Звезде». Омская «молодая гвардия» так же рвётся к литературным высотам. Участники объединения имени Якова Журавлёва под бессменным руководством Николая Трегубова штурмуют региональные и российские литературные журналы и альманахи. Талантливые авторы – Андрей Козырев, Андрей Ключанский, Дарья Решетникова, Наталья Елизарова, Григорий Глушнёв, Игорь Федоровский тоже полны желания заявить о себе. Их рассказы, повести, поэтические произведения можно прочитать в «Голосах Сибири», «Бийском вестнике», «Литературном Ульяновске», «Бельских просторах». Каждый год патриархи омской литературы находят и являют миру юные дарования. Регулярно проводятся семинары, где в мастер-классе участвуют гости из Москвы, Петербурга и городов на Урале: Геннадий Попов, Борис Лукин, Александр Кердан, Валерий Мурзаков, Лола Звонарёва. Творения омских писателей и поэтов гости ценят. Молодые семинаристы получают возможность опубликоваться в таком замечательном полноцветном журнале как «Литературный Омск» и альманахе «Складчина». Главные редакторы этих изданий Олег Клишин и Александр Лейфер – тщательно отбирают произведения для публикации. По сложив-

шейся традиции, получая из редакции свежий номер «Литературного Омска», председатель правления Союза писателей России (Омское отделение) Валентина Ерофеева-Тверская едет в Москву, представляет этот журнал Валерию Ганичеву, тонкому ценителю литературы, председателю Союза писателей России.

«Стопка журналов "Литературный Омск" лежит на полочке вместе с "Нашим современником" и "Молодой Гвардией"!» – улыбаясь, говорит Валентина Юрьевна с гордостью за омских авторов. Человек она общительный и весёлый, чем-то напоминает русскую красавицу из поэзии Некрасова или с полотен художника Кустодиева. Присылаешь ей подборку стихов или рассказов на электронную почту, Валентина Юрьевна найдёт время прочитать, дать дельные советы, поможет опубликоваться. Кропотливую работу по поиску талантливой омской молодёжи ведут Заслуженный работник культуры Татьяна Георгиевна Четверикова, лауреат многих литературных премий Марина Александровна Безденежных. Их литературное объединение так и называется «Три свечи». Только за последний год были открыты несколько имён: Виктор Бован, Серафима Орлова, Игорь Хохлов. Первого называют «новым Пришвиным»; его прозаические миниатюры отправляются в детский журнал «Мурзилка». Все они рекомендованы на российский семинар, который пройдёт в «Доме литератора» в Екатеринбурге при Союзе писателей под началом Александра Кердана. Недавно прошёл «Телемост», на котором сотрудники журнала «Сибирские огни» вели беседу с омскими поэтами и писателями.

Татьяна Георгиевна Четверикова не скрывает восторга за успех молодых: Андрея Козырева, Виктории Сенькиной, Ирины Четверговой и Аполлинии Батюшкиной.

Александр Лейфер, председатель правления Союза российских писателей омского отделения, прикладывает немалые усилия, чтобы помочь молодым авторам реализоваться. Итогом литературного семинара становится публикация всех его участников в специальном молодёжном выпуске альманаха «Складчина», а так же в «Голосах Сибири».

«В Кемерово другая читательская аудитория, пусть наших молодых авторов читают и там», – говорит Александр Эрахмиэлович. Члены редколлегии альманаха «Складчина» Александр Сафронов, Сергей Денисенко, Алексей Декельбаум, Евгения Кордзахия

Путеводитель

и Вероника Шелленберг – внимательно редактируют тексты, готовя их для солидного кемеровского издания.

Александр Эрахмиэлович был одним из тех людей, которые помогли учредить омскую региональную молодёжную премию имени Ф.М.Достоевского. Более десяти лет премией отмечаются самые интересные молодые авторы.

Вместе оба Союза готовят трёхтомник омских писателей и поэтов, в который войдут как члены союза, так и просто одарённые авторы. Привлечены так же организации, поддерживающие писателей и поэтов родного города. При непосредственном руководстве поэта Сергея Павловича Денисенко выходят различные антологии, в которых размещены произведения для детей и других читательских категорий.

Не только идёт постоянная работа в Союзах, но и действует множество независимых редакторов, собравших вокруг себя стремительных и полных энтузиазма писателей и поэтов. Игорь Егоров вместе с Андреем Козыревым, Денисом Качуровским, Евгением Асташкиным и Натальей Елизаровой выпускают большущий альманах «Тарские ворота», под натиском авторов из других городов и стран разделённый на два тома. Выходит и приложение к нему – молодёжный альманах «Иртышъ-Омь», наводнённый лишь одной омской молодёжью. Личность поэта Андрея Козырева – многогранная, он также является главным редактором альманаха «Точка Зрения», где печатает как членов обоих союзов, так и просто талантливых иногородних авторов. Он состоит в редколлегиях нескольких омских изданий.

Издательство «Апельсин» проводит конкурс на лучшие публикации по нескольким номинациям в ежегодный сборник «Трёхколёсный велосипед». В прошлом году он включил девять авторов из других городов и одиннадцать из Омска. В этом году директор издания «Апельсин» планирует увеличить объём сборника.

Мои друзья не поймут, если я не расскажу дальневосточному читателю о неконсервативном журнале, в котором состою членом редколлегии. «Вольный лист». Главный редактор Иван Таран, поэт и критик, поставил целью данного издания поиск авторов необычных произведений по всему миру. Приветствуются такие экзотические жанры фантастики как «меха», «киберпанк» и «пост-апокалипсис». Омичка Анна Секерина по прозвищу «Ночь», писатель, ролевик, художник-иллюстратор прекрасно работает в этих жанрах. Корреспондент газеты «Красный Путь» Анастасия Орлова с помощью острых статей и в журнале сражается за справедливость в родном городе. Игорь Федоровский, корреспондент газеты «Омское Время», писатель и поэт, лауреат премии имени Ф.М. Достоевского и П.Васильева занимается поиском талантливых молодых авторов вместе с поэтом Игорем Хохловым. Недавно в редколлегию влился Вячеслав Сериков, опытный поэт и писатель. Несколько лет назад он стал организатором выставки полотен Рубенса, а сейчас оказался в числе щедрых спонсоров, которые совместными усилиями выпустили книгу Аркадия Кутилова «Ромашка».

Больше двух лет назад был основан журнал «Вольный Лист». Он выходил тоненькой книжечкой, почти брошюрой, сегодня журнал имеет постоянный формат и объём.

Трудно сказать, какие ассоциации у дальневосточного читателя вызовет описание жизни моего родного города, но это мой взгляд на литературную ситуацию в Омске, и он не претендует на исключительность и всеохватывающие оценки. Думается, что и на Дальнем Востоке есть немало авторов, которые только начинают публиковаться, но в то же время активно помогают находить в гуще литературы самородки талантов.

Фото Игоря Федоровского,
г. Омск

ОСКОЛКИ ЛОМОНОСОВА

Владислав ГУСАРОВ,
г. Владивосток

(рассказ)

Декан судомеханического факультета Борис Александрович Воронцов внимательно слушал. Экзамен по судоремонту в его группе начался с девяти утра, сейчас стрелки часов показывали около десяти, и курсант Николай Жатько отвечал уже на заключительный вопрос билета: «Организационные мероприятия на судах, работающих по двухгодичному циклу эксплуатации без заводского ремонта».

Воронцов был одним из авторов этого утверждённого министерством проекта, и всегда включал вопросы о двухгодичном цикле в экзаменационные билеты.

Жатько отвечал бойко. Декан слушал, не перебивал.

– Доклад окончил, – соблюдая установленный в высшей «мореходке» порядок, произнёс Николай Жатько.

Воронцов кивнул и протянул курсанту зачётку. Жатько ликовал: «дэк» доволен ответом, дополнительных вопросов не задаёт.

Николай повернулся через левое плечо и почти строевым шагом вышел из аудитории. В коридоре его окружили соратники.

– Как? Сколько?

– Не меньше четвёрки, – ответил Николай.

– А я подготовиться не успел, – вздохнул Виталий Калиновский.

Подготовке помешали внезапный приезд из Хабаровска родителей и невозможность скрывать от них далее женитьбу на Раечке.

Расстроенные родители для чего-то повели Виталия в деканат к Воронцову.

– А мы-то с отцом, – всхлипывала мама Виталия, – хотели сыну на пятом курсе автомобиль купить. Не будет тебе машины! – повернулась она к Виталию и погрозила пальцем.

– Ну, вот, – грустно сказал тогда Воронцов, – и машина пропала...

– Хорошо, когда материал знаешь, – тоскливо, в ожидании «неуда» говорил сейчас Виталя Калиновский.

– Жажда знаний лучше всего утоляется пивом, – с юмором сказал Жатько.

– Дай-ка взглянуть, – протянул руку Чертыковцев.

Николай подал зачётку. Стас развернул на странице «Результаты сдачи экзаменов».

– В графе «судоремонт» пусто, – сказал он. – Поздравляю, товарищ курсант, экзамен вы завалили.

– Не может этого быть! – напыжился Жатько, забрал зачётку, посмотрел.

Вышедший из класса дежурный по аудитории Толя Онасенко подтвердил: Жатько отвечал хорошо.

– Забыл поставить, – уверил Онасенко. – Зайди. Скажи.

Николай Жатько в класс не вошёл – влетел.

– Борис Александрович, вы забыли поставить мне оценку!

Воронцов посмотрел на него исподлобья и произнёс скрипуче, не разжимая зубов:

– Вон отсюда, бездарность!

Оставшимся в аудитории курсантам «дэк» сказал:

– Я пошёл в профессорскую играть в шахматы и пить кофе. Подготовитесь – позовёте... Учебники и конспекты в носки можете не прятать, пусть будут на столах. Судоремонт – академия хитрых наук, всё запомнить и заучить невозможно да и не нужно. Судоремонт требует творческого подхода, учебники и пособия лишь облегчают задачу. Инженер обя-

зан уметь работать с технической литературой. Как инженера называли на Руси, Онасенко?.. Не знаешь? Это – плохо. А называли его – Розмысел! Такими должны быть вы все!

И он ушёл.

«Осколки Ломоносова» обложились учебниками и конспектами. Определение это, пущенное однажды Воронцовым, прижилось и стало популярным среди «курсачей». Так же как: «Рост человека измеряется не от пяток до макушки, а от головы до неба».

Симпатии у курсантов Воронцов не завоевывал, она приходила сама. На первых трёх курсах декана боялись. Высокий рост, суровое лицо, взгляд исподлобья и тяжёлая, массивная челюсть действовали устрашающе. Ровный, скрипучий голос его не срывался на крик. Жестикулировать Воронцов не умел, его малоподвижное лицо сохраняло отсутствующее и брюзгливое выражение. Самым разухабистым «курсачам», выпавшим из «меридиана», было достаточно встретить его пристальный, изучающий взгляд прозрачных глаз и заметить, как серая прозрачность наливается мраком...

На четвёртом курсе никто уже не называл его Челюсть, а пятикурсники – обожали. «Наш дэк», «наш Боря», «наш Воронцов»...

С десяток репетиторов собрались вокруг покинутых преподавателем экзаменующихся в аудитории. Двадцать пять минут звучные молодые голоса произносили правильные слова о судоремонте. На лестничных клетках и в коридорах (вдруг явится без приглашения!) с безразличным, скучающим видом застыла бдительная стража. Наконец сказали:

– Можно звать.

И ликвидировали следы «мозгового штурма».

Первый ответивший вышел из аудитории с четвёркой, и курсантские ладони заработали, извлекая тепло. Но радость оказалась недолгой: вслед за этим с промежутком в несколько минут двое выпорхнули с пустыми зачётками и выражением полнейшего недоумения на лицах. Оказывается, «дэк», отложив в сторону журнал «Огонёк», который читал с интересом, потребовал от экзаменующихся рассказать им сказку Павла Бажова «Живинка в деле». В далёком детстве Ваня Белебзов читал эту сказку и помнил лишь, что она показалась ему самой неинтересной из сборника «Малахитовая шкатулка». Что до Валентина Заочного, для него стало открытием, что был такой писатель Бажов, годы жизни 1879-1950-й.

– Какая связь: судоремонт – и «живинка»? – возмутился в коридоре Валентин.

Ваня Белебзов вторил ему.

Они стояли оба, окружённые «толпой», и не знали, что лучше: гневаться или хохотать.

Трое из группы тотчас побежали на первый этаж учебного корпуса в библиотеку и принесли томики Бажова. В соседней аудитории собралась вся группа, и Санька Бек, откашлявшись, стал читать.

А в классе, где проходил экзамен, Феликс Поздняков кое-как передал Воронцову содержание сказки Бажова. Дэк внимательно слушал.

– Всё? – спросил он.

– Всё, – обречённо сказал Фекса.

– А теперь, – изрёк Воронцов, – примени эту сказку к судоремонту.

И, видимо, устав от такой длинной фразы, прикрыл глаза. «Применить» для воспрянувшего духом «курсача» было делом «двух пустяков». «Живинка» в комментариях Феликса Позднякова превратилась в пухлый том строгих нравоучений. «Во-первых... во-вторых... в шестнадцатых...»

– Довольно, – прервал «дэк», – А теперь – на вопросы в билете.

Результатом была твёрдая четвёрка.

– Запомни, Поздняков, – сказал Воронцов, подавая курсанту зачётку, – в любом деле нужна живинка, сиречь творческий подход. Нельзя быть равнодушным. Равнодушие – импотенция совести. А безделье проще всего объяснить занятостью.

И в тяжкие для страны годы не прерывалась запланированная ещё в мирные годы жизнь. Продолжал строиться театр оперы и балета в Новосибирске. А в сорок четвёртом в морских городах страны открылись высшие морские училища. Сержант Красной Армии Борис Воронцов, комиссованный по ранению из действующей армии, в том сорок четвёртом поступил во Владивостокскую «вышку». Он почти оправился от ранений, но на судоводительский факультет его не приняли.

– Только на судомеханический, – сказал ему в ответ на жалобу начальник училища Борисов, – и только в группу судоремонта. Работать станете на береговых предприятиях флота. Не огорчайтесь. – Прервал он протесты Воронцова.

Начальнику училища определённо нравился этот упорный сержант.

– В процессе учёбы, – продолжил Борисов, – вы сможете перевестись на судоводительский факультет, а понравится – на судомеханический. Станете по завершении учёбы судовым механиком. Тоже плавсостав. – Он усмехнулся. – Понятно, если к тому времени вас отрастут два ампутированных пальца на ноге, оба ребра, и левое лёгкое по размерам станет, как правое.

Борис Воронцов смирился.

Он хорошо учился, был прилежен и в науках вьедлив. Технические дисциплины давались легко. Любимым предметом его стало металловедение. В сорок девятом молодого инженера оставили в училище на преподавательской работе. Левое лёгкое, рёбра и пальцы на ноге так и не отрасли, а начальник училища Борисов, уезжая на работу в Москву начальником отдела министерства, рекомендовал его на должность декана судомеханического факультета. У Воронцова было уже несколько работ в серьёзном журнале «Информационный вестник ММФ», почти готовая подборка материалов для кандидатской диссертации, и он вёл переписку с самим автором учебника «Металловедение» А.П.Гуляевым. Кандидатский минимум он сдал, темой диссертации стало «Увеличение межремонтного периода эксплуатации судов».

С курсантами был он суров, но чувство юмора сохранил, он даже хохотнул, увидев однажды на новогоднем вечере факультета экспонат курсантского «музея», посвящённый Воронцову Б.А: на отдельной тумбочке стоял солидных размеров камень и под ним надпись: «Памятник при жизни декану Воронцову за огромную воспитательную работу среди подчинённого состава». А поблизости висела репродукция картины Ге «Пётр Первый допрашивает сына Алексея». Вместо головы Петра приклеена голова Воронцова с фотокарточки, а вместо головы царевича Алексея – физиономия известного на факультете двоечника и разгильдяя. И ещё понравился Воронцову номер художественной самодеятельности: вышел на сцену курсант четвёртой роты Миша Сафонов, не так дано заваливший на сессии два экзамена, и стал читать «Письмо к декану»:

Вы помните, вы всё, конечно, помните:
Как я стоял, приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое в лицо бросали мне.

Стихи Есенина звучали, будто писанные к случаю.

Вы говорили мне, что нам пора расстаться, –

под хохот «толпы» декламировал Миша, –

Что вам наскучила моя шальная жизнь,

Что вам ещё другими заниматься, –

широко вёл декламатор рукою в зал, –

А мой удел катиться дальше вниз.

И голова Миши-артиста опустилась горестно.

Воронцов хохотал, даже прослезился.

Фронтальные раны давали знать. Он крепился, не показывал вида, и только жена, взвалившая на себя заботы о его здоровье, знала, каково временами ему. Больницы Воронцов избегал, целиком доверяя только своей Нюсе. Дочь училась в медицинском институте. «Буду тебя курировать», – говорила, вздёрнув остренький, как у матери, носик.

Фразы его, пущенные мимоходом, гуляли по училищу. Иногда сам удивлялся: «Неужели мои?» Но «Осколки Ломоносова» употреблял часто. Как и: «Дремлющим талантам – неусыпное внимание».

Вдруг выяснилось: ему присвоят степень кандидата наук по совместительству изданных работ. Диссертация давно готова, но по совместительству, так по совместительству. Только отчего-то тянут, наверно, кто-то засомневался, стоит ли.

Может, с их точки зрения, уже и не стоит: весь флот уже работает по двухгодичному межремонтному циклу, а то, что Воронцов стоял у истоков... Бог с ним, с Воронцовым!

Так и не пришлось порадоваться победе факультета в вёсельной гонке на баркасах, хоть и обещал выставить команду в случае победы бочку жигулёвского пива. Из года в год первыми к финишу приходят курсанты – судоводители.

– Конфузно мне, – говорит тогда Воронцов.

И эту фразу «курсачи» подхватили. И эту: «Походка – зеркало кошелька».

Надо, наверное, не ждать «по совместительству», а ехать и защищаться. Поджимают молодые учёные. Вон недавний выпускник четвёртой роты Николай Подволоцкий в аспирантуре, скоро у него защита. А давно ли у Воронцова учился?

И тему диссертации выбрал необычную: «Вакуумная разгрузка танкеров». Это когда создаётся в трубах разряжение (вакуум), и нефтепродукт из танкера идет в хранилище самостоятельно, без насосов. Завидно успехам бывшего курсанта, что греха таить, медленно стал бегать Борис Александрович! Но и рад за Подволоцкого: по Сеньке и шапка. Припоминает Воронцов: гонял нынешнего аспиранта за нарушение учебной дисциплины, любил тот подремать на лекции, спрятавшись за цветочным горшком и оперевшись на спичечную коробочку подбородком.

«По совместительству» не утвердят – и шут с ними. Главное, на флоте его новация внедрена. Теперь другая работа интересует: весь ремонт судна представить в схемах и графиках, с чётким распределением ролей цехов, чтобы друг дружке не мешали, а помогали. Всё чтоб чётко, от А до Я! Надо всё тщательно продумать. Это ведь можно заводской управленческий аппарат сократить! А в цехах создать больше производственных бригад.

До сегодняшнего дня это новшество Воронцова – только в дипломных работах курсантов, а наградой – рукопожатия членов государственной комиссии. Странников мало. Кого знал – уже переселились в мир иной. А хочется увидеть при жизни воплощение мечты. Будут сильно мешать. Замалчивать, контраргументы приводить

Воистину: для того, чтобы стать успешным, надо в пыль перетереть гранитную стену равнодушия.

САМУРАЙСКОЕ ЧУДО

Александр ДЕГТЯРЁВ,
г. Омск

Работал Митин в деревне наладчиком по малой механизации: чинил насосы в скважинах, автодоилки, поилки и разные там транспортёры на скотных фермах. Смекалка у него была от рождения и, хотя «академиче» не кончал, постоянно придумывал и изготавливал необходимые в животноводстве механизмы. Даже если черенок к вилам насадит, то каждый изгиб на нём так повернёт, что неохота инструмент из рук выпускать – работал бы и работал. Навильник подцепишь на полкопны – держится и рук не выкручивает, когда ставишь стог. «Бери больше, кидай дальше», – только и скажет Митин. Или вот ямку под столбик выроет, так засмотришься: стенки гладенькие, форма правильная, донышко ровное – закапывать не хочется. Всё он делал обстоятельно и с любовью. И почти всё у него получалось. Всё, кроме домашней работы и рыбалки. Дома ситуация простая: не ценили его способности. А с рыбалкой заковыка сложнее. Чем только не потчевал он рыбу: луговыми червями, хлебом, сыром, кашей перловой, – не идёт и всё. Стоит рядом сопливый пацан и таскает язёй запросто. Вроде слово знает какое-то. А тут не берёт и всё...

Решил Митин подойти к этому делу с другой стороны – с технической. Ведь успех рыбалки гарантирует что? Насадка. С неё и начал Митин. Надоели эти черви: то копай их, то храни, корми- содержи, а на крючок насадишь – не шелохнётся. Соорудить бы такую насадку, чтобы ни есть, ни пить не просила...

И решение пришло гениальное. Он вспомнил, как загадочно ведёт себя один материал, когда его в воду опустить. На этой основе надо сделать механического червяка. Осуществить задуманное из подручных средств было просто. Митин разобрал старый английский замок, вытащил из него маленькие цилиндрические пружинки и вставил в них эластичные хлыстики из того самого загадочного материала. Затем обтянул пружинки шкуркой от ливерной колбасы, натолкал внутрь спичкой ржаной муки и завялил на солнышке. Получился вылитый выползок, словно только что из навозной кучи.

Не терпелось проверить свою идею. Митин опустил в тазик с водой «секретное изделие» и через минуту не смог его поймать – акробат, да и только! Утром понёс на работу в мастерские показать мужикам, послушать их отзывы.

– Смотрите, братцы, что японцы вытворяют! – Митин разжал кулак и повёл открытой ладонью по кругу. – Механическая насадка для рыбной ловли. Если перевести на русский: выкрутасик называется. Свояк купил на толкучке в городе. Ну-ка, братцы, тащите воды, посмотрим на его выкрутасы.

– Не может быть, чтобы этот сухарик шевелился, – засомневался тракторист «Кировца».

– Раз заграничный, то должен дрыгаться, – авторитетно заявил кладовщик инструменталки дядя Гоша.

Мужики были ошарашены, когда на вид сухой стручок, который Митин бросил в кружку с водой, вначале выпрямился, потом задёргался и выпрыгнул из кружки на грязный бетонный пол.

– Вот это хотенчик! Не слабо! – выкатил глаза прыщавый практикант из ПТУ.

– Во! Шустрые самураи и до нас электроникой достали, – шумно выдохнул кладовщик и полез в карман за очками.

Самые нетерпеливые в толпе предлагали разрезать и посмотреть: что же там внутри за механизм? Но Митин резко возразил:

– Что вы, что вы... Импортная вещь, дорогая, беречь надо, – он завернул «заморское чудо» в тряпицу и больше никому не показывал.

Изобретательство – словно тряпина: если попал одной ногой, то затянет и другую. Митин понимал, что рыба в азарте схватит жёсткую насадку и, разобравшись, сразу выплюнет. Нужна мгновенная подсечка. И он придумал автомат-сторожок. На устройстве пружина взводилась на три вида поклёвок: на чебака, на щуку и на акулу. Митин изготовил опытный образец из подручных средств и вечером по холодку решил провести домашние испытания. Он расположился в огороде, воткнул устройство рядом с огуречной грядкой, взвёл сторожок в боевое положение «на акулу» и осторожно стал распутовывать леску, ворча на жену: «снова куры ходили по верстаку... нет никаких условий, говорил же ей: не выпускай, закрой...».

– Ты опять хреновиной занимаешься, Митин?! – Крикнула жена, неожиданно подойдя сзади.

Митин вздрогнул от резкого её голоса и нечаянно дёрнул за леску

Устройство сработало. Стальной прут толщиной в палец во всю мощь пружины ударил жену по ноге. Она взревела белугой и двинулась танком на мужа, но Митин не дрогнул. За свою идею он готов был положить жизнь.

– Занялся бы лучше каким делом, горе-рыбак! Вон крыша в пригоне протекает, некому починить... Уже несколько дней Зорька приходит из стада без молока – выдаивает кто-то. Ругалась вчера с пастухом, клянётся, что ничего не видел. А ты с этими железяками возишься каждый день, и всё без проку!

– Где он теперь пасёт коров?

– В займище.

– Завтра у меня выходной, пойду на рыбалку, там рядом, заодно и пригляжу за коровой, – сказал Митин с надеждой сменить тему разговора.

– Рыбалка твоя, одних мальков ловишь. Если кошке бросить, и то мало.

– А помнишь щуку? Ты ещё радовалась, скакала, как коза по берегу.

– Ну, одну и поймал за всё время на ту заразу, за что двадцать рублей вбухал, – ответила жена и поворачивала правым кулаком у левого.

– Не зараза, а спиннинг называется.

– И эту канитель городишь, – Наталья пнула устройство подсечки и почесала больное место на ноге.

– Не канитель, а «самолов Митина», – обиделся автор.

– Скорее дуралов бездельника. Думаешь рыбу перехитрить? Как бы не так. Если в она в воде плавает, дак глупее тебя, получается?

– Но ты молодец, Наталья. Я долго думал о названии: «самолов» ведь уже было. Теперь запатентую как «Дуралов Митина» – просто и сердито. Но молодец, здорово! Застолблю изделие и продам японцам за миллион... этих, ну как их, ихних...

– Держи карман пошире. Ты уже получал за свои изобретения по десятке. Накормил досыта семью, умник.

– Здесь десятка, да. Зачуханная деревня, что с неё взять? А там – мировой уровень. Па-тент! Денежки пачками, крест-накрест заклеены. Куплю иностранную лодку с мотором, девок катать буду по речке... Потом посмотришь...

– Сам смотри. Только не выпади из той заграничной лодки, кавалер сраный.

Не поняла жена шутки, и Митин спустился с небес.

– Завтра вот проведу полевые испытания на речке. Готовь, для начала, сковороду побольше, – сказал он.

– Еслив поймаешь, Ваня, то снег выпадет.

– «Еслив, еслив!» Давай спорить, что попадётся крупная рыбина! – снова стал заводиться Митин.

– На что?

– Как притащу на полметра хвост, ты мне поставишь бутылку. Согласна?

– А еслив нет?

– То я куплю тебе самую дорогую коробку шоколада, – пообещал Митин.

– У меня уже сейчас во рту стало сла-а-дко, Ваня, – улыбаясь призналась Наталья и по мужицки двинула кулаком в плечо мужа. Шутя и любя, конечно.

...С утра было пасмурно. Свежий ветерок доносил звуки просыпающейся реки и прогонял остатки сна. С противоположного берега кричала перепёлка – это настраивало на удачу. Развернув на песке закидушку и наживив на крючок свою механическую насадку, Митин забросил снасть. Он установил пружину в первое положение и стал ждать поклёвки. От нечего делать сидел у самой кромки воды на корточках, разглядывал своё отражение в реке и корчил рожицы. Его курносая пипка на рябом лице при набегающей слабой волне искажалась: то сползала пятнистой лягушкой на высокий и загорелый лоб, то вытягивалась лодочкой вниз к левому подбородку.

Поклёвки не было.

К обеду из-за туч выглянуло солнышко. Митин вытянулся на тёплом песке в затишке и задремал. Хлёсткий щелчок подсечки подбросил его на ноги. Леска подрагивала, и каждый рыбок из речной глубины отзывался в сердце сладкой болью. Рыбацкое счастье, предчувствие

добычи описать трудно. Когда Митин осторожно выбрал упругую леску до конца – наступило разочарование. За крайним крючком у самого грузила тащилась по мокрому песку почерневшая коряга. Больше забрасывать закидушку не хотелось, тем более, что к воде стали подходить коровы на водопой и подъехал на сивой лошадеёнке пастух.

– Здорово, сосед?! Нарыбалил што? Поди, стерляди натаскал мешок, – спросил он.

– Здравствуй, дядя Петя. Какая тут рыбалка, одни палки цепляются... Да и рыба залегла. Засеверило, да и вода какая-то мутная...

– Слушай, сосед, придумает же твоя Наталья, будто бы вашу корову кто-то выдаивает. Скажет же! Вон она, ваша Зорька, залезла в воду дальше всех – от паута прячется.

– Да говорила мне она... Бабы есть бабы. Не обращай на неё внимания, дядя Петя, – ответил Митин, но сам бросил сматывать леску и пошёл посмотреть на свою скотину.

Коровы, напившись воды, стали выходить из речки и потянулись на зелёнку. Пастух помчался на лошади их заворачивать от потравы. Одна только Зорька стояла за кустом густого ивняка по самый живот в воде, помахиwała хвостом и задумчиво жевала жвачку. Митин подошёл поближе и позвал:

– Зорька! Ты чего прохлаждаешься? Иди скорей в стадо!

Корова, услышав голос хозяина, очнулась от дремоты и рванулась к берегу, раздвигая воду, словно катер. С живота у неё струйками стекала вода, а следом за ней тянулась толстая палка и, кажется, даже зацепилась за вымя. «Надо отцепить скорей, чтоб не поранилась скотина», – только подумал Митин и в этот же момент с ужасом разглядел: у коровы за соском вымени тянулся по траве... здоровенный налимище!!! Широкая налимиья пасть продолжала сосать с причмокиванием набухшее вымя коровы, и крупные капли молока стекали по жабрам.

Митин стоял, как парализованный, и не знал, что же ему делать. Зорьке, похоже, стало больно держать на воздухе жадного и тяжёлого «дояра», она взбрыкнула задней ногой так, что налиим отлетел в сторону и затрепыхался в пыли. Он резко изгибался дугой, всё ближе продвигаясь к спасительной кромке воды.

Не-е-т уж, ворюга... не уйдёшь, хищник проклятый! Молочка нашего захотел? Дармового? Я тя щас оприходу, – Митин бросился на налима, сел на него верхом, а он скользкий зараза, вырывается и уже хвостом бьёт по отмели. Изловчившись, Митин ухватился за жабры и навалился на вора всем телом.

Домой Иван шёл уверенной походкой по середине улицы. На плече придерживал толстую палку из лозы, на которой у него за спиной раскачивался налимище, задевая липким хвостом о штаны. И чем ближе Митин подходил к дому, тем больше одолевали его сомнения: «Сказать или не сказать жене про Зорьку? Наверное, не стоит... Пойдёт байка гулять по деревне – не отмоешься. Интересно бы другое узнать: водятся или нет налимы в Японии?» Когда Митин поравнялся с продовольственным магазином и на крыльцо высыпал народ, решимость молчать окончательно окрепла, отчего нестерпимо зачесался нос.

ЗНАКОМСТВО

Юрий ПАНЧЕНКО,

г. Владивосток

С МИКРОНЕЗИЕЙ (ЛАГУНА ТРУК)

Острова Трук (местное название Чуук, на местном языке переводится, как высокие горы) расположены в центральной части микронезийского архипелага Каролинских островов в Тихом океане и представляют собой небольшую островную группу, состоящую из гористых островов, окружённых барьерным рифом, образующим обширную лагуну, внутри которой находится 19 возвышенных островов, общая площадь лагуны составляет 2125 кв. километров; острова входят в состав Федеративных Штатов Микронезии, являясь частью штата Чуук, административный центр которого расположен на острове Моэн. Христианские миссионеры окончательно закрепились на островах Трук в 1879 году, за ними же последовали и иностранные торговцы. В 1886 году контроль над Микронезией, в том числе и над островами Трук (Чуук) перешёл к Испании, но после испано-американской войны 1898 года по соглашению между Испанией, Германией и США Микронезия, за исключением острова Гуам, была куплена у США Германией за 4,2 миллиона долларов. В 1914 году острова были оккупированы Японией, которая стала управлять ими с 1919 года по мандату Лиги Наций. В годы Второй мировой войны на островах располагалась крупная морская военная база Японии (в ней находилось около 40 тысяч солдат и гражданских лиц), а также аэродром. Остров Моэн был стратегически важен для империи: на нём действовал коммуникационный штаб, откуда подавались радиокоманды, направляющие операции всех военноморских сил Японии в Микронезии. В 1944 году в лагуне Трука находились корабли 4-го императорского флота и командование 6-го подводного флота. 17 февраля 1944 года американцы начали осуществление военной операции «Хилстон», в результате которой было потоплено более 30 крупных и много небольших японских судов. После разгрома Японии в войне острова Трук (Чуук) стали одним из шести округов «Подопечной территории Тихоокеанские острова», которые управлялись США по мандату ООН. В 1990 году Федеративные Штаты Микронезии были признаны Советом Безопасности ООН независимым государством, с тех пор острова Трук (Чуук) являются территорией этой страны.

Теплоход «Русь» Дальневосточного морского пароходства имел заход в порт на острове Моэн, расположенный в лагуне Трук в период с 06.00 до 17.00 03 мая 2000 года с японскими туристами в составе 311 человек двух компаний из Токио: «Peace Boat» и «Japan Grace», это был чартерный благотворительный рейс по местам боевых действий японской военщины в 1941 – 1945 годах, на борту были контейнеры с различными бытовыми подарками для местного населения. На подходе к северо-восточному проходу в лагуну Трук, минимальная глубина в котором 16 метров, ширина

7 кабельтовых (один кабельтов = 182 метра) между островком Мор и белым столбовидным знаком, связались с портовыми властями и в 05.30 03 мая вошли в лагуну курсом 270 градусов, у знака № 4 приняли лоцмана, который подошёл к борту на шлюпке типа «казанка», все знаки имеют вид дельфинов на сваях, ограждают стороны фарватера; вход в лагуну осуществляется только в светлое время суток, внутри лагуны стояли на якорях несколько рефрижераторов, которые занимались перегрузкой рыбы с промысловых судов - это преимущественно тунец, скумбрия и морепродукты. Ошвартовались к причалу левым бортом, швартовка без буксира, по ходу носом к берегу; причал длиной 400 футов (один фут=30,48 сантиметров) вполне современный с отличной резиновой кранцевой защитой, сделан добротно, швартовные кнехты надёжные, кранов на причале нет. Агентирующая компания TRANSKO является самой большой на острове, офис на втором этаже складского помещения недалеко от причала, оборудование и помещение довольно бедные, очевидно компания имеет небольшой доход, главный менеджер компании Linda Hartman была в Европе в отпуске, агент Erwin Phillip, жизнерадостный местный житель, организовал для меня экскурсию по острову на джипе. Мы объехали с ним все окрестности, довольно много лачуг, хороших ухоженных домостроений мало, очень грязно на улицах, где играют дети, некоторые из них были голышом, довольно много кур и домашней птицы, скота не было видно, дороги очень плохие, практически не ремонтируются, много автомашин без номеров, весь автопарк японского производства, в магазинах много пыли, в посёлке два банка, на базарах торговцы за сувениры брали американские доллары; днём прошёл кратковременный ливень, немного освежил воздух. В посёлке на острове Моэн проживает около десяти тысяч человек, общее число жителей на 19 островах архипелага Трук составляет 72 тысячи человек. Японские пассажиры выезжали на шлюпках на отдалённый пляж, брали с собой спасательные жилеты; отдельные члены экипажа ходили на ближний пляж Blue Lagoon Resort, пляж неплохо оборудован, однако хорошего ухода нет, есть кемпинги, небольшой отель и ресторан, где мы с агентом выпили пиво с морепродуктами. Недалеко от посёлка находится большой аэродром, который обслуживает ежедневные транзитные авиарейсы маршрута остров Гуам–Гонолулу (Гавайские острова). Пресную воду брали из автоцистерн, ёмкость которых 25 тонн, всего до отхода приняли 125 тонн, вода хорошего качества. Отошли в рейс по расписанию в 18.00 03 мая без буксиров с лоцманом, который покинул борт судна у знака № 24; всего стоянка у причала составила 12 часов.

ПОРТ РАБАУЛ (ПАПУА — НОВАЯ ГВИНЕЯ)

Порт Рабаул расположен в бухте Симпсон-Харбор острова Новая Британия, входит в число портов южной части Тихого океана, часто посещаемых круизными лайнерами с туристами разных национальностей, ежегодно в порт заходит более 600 судов, основными грузами экспорта являются копра, какао, кофе, кокосовое масло, лесопродукты. Основной достопримечательностью района бухты и порта является вулкан ТАВУРВУР, который периодически выбрасывает клубы бело-серого пара на высоту около 100 метров высотой, на склонах вулкана сохранились обугленные стволы деревьев, оставшиеся после последнего извержения в 1994 году, которое имело катастрофические последствия для поселка и района в целом.

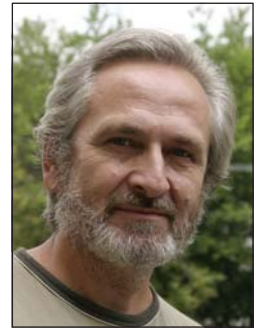
Теплоход «Русь» Дальневосточного пароходства имел заход в порт Рабаул в период с 30 апреля по 01 мая 2000 года с японскими туристами двух компаний из Токио: «Peace Boat» и «Japan Grace». Это был чартерный благотворительный рейс по местам боевых действий японской военщины в 1941 – 1945 годах, на борту были контейнеры с различными бытовыми подарками для местного населения. Порт Рабаул хорошо известен тем, что в военные годы здесь находился главный штаб командующего военно-морскими силами Японии на Тихом океане адмирала Исороку Ямамото, здесь же был и крупнейший аэродром, где базировались ударные силы воздушного флота. В 1980 году в нескольких километрах от порта на месте захоронения сооружён памятный мемориал погибшим японским солдатам и адмиралу Ямамото, который погиб во время крушения самолёта, сбитого американскими истребителями в результате хорошо спланированной воздушной операции, американцы имели ключ к расшифровке всех секретных сообщений японского командования. Приняли лоцмана на подходе к бухте Симпсон Харбор в 07.10 30 апреля, в 07.20 на другом катере прибыли вместе с агентом портовые, иммиграционные, таможенные, карантинные и санитарные чиновники, всего 10 человек, для оформления всех формальностей прихода. Ошвартовались правым бортом к причалу в 08.00 без буксиров, их в порту не было, длина причала 150 метров, власти оформили все формальности за один час и была получена свободная практика. Микроавтобусы для проведения экскурсий стояли уже на причале в ожидании наших пассажиров, что говорило о хорошей организации со стороны туристических компаний, была солнечная и жаркая погода, температура воздуха была около 30 градусов по Цельсию. После извержения вулкана в 1994 году остался действующим только порт, аэродром и восточная часть Рабаула засыпало тёмно-серым пеплом, дороги пришли в негодность, жители переселились в новый посёлок под названием Кокопо, там интенсивно ведётся стро-

ительство, построен новый аэродром, есть музей, во дворе которого находится вся военная японская техника времён войны, от порта до нового посёлка 40 минут езды на джипе. Практически весь автомобильный парк в порту и посёлке японского производства, дороги разбиты, много джипов, людей возят на микроавтобусах и открытых кузовах автомашин, местные жители-аборигены ходят в основном без обуви босиком. В новом посёлке есть колледж, несколько школ, много небольших католических храмов, аборигены очень приветливы, нищих и убогих на дорогах и улицах не было, вся торговля местными поделками, масками, черепахами, бусами и прочими сувенирами ведётся прямо на улицах. Местная валюта KINA (КИНА), курс валюты к доллару был: 12 долларов = 30 кина, обменивали торговцы 5 кина за 2 доллара. Имел встречу и хорошее общение с одним из менеджеров порта, Anton Julius 37-ми лет, имеет четверых детей, очень приветливый, организовал для меня на джипе хорошую экскурсию по всем примечательным местам. Вулканическая обсерватория находится на возвышенности, к ней ведёт хорошая асфальтовая дорога, отличный вид на бухту, порт и посёлок, видны тоннели, которые были сделаны во время войны японцами, около обсерватории установлен памятный камень двум погибшим английским вулканологам, вся территория облагорожена экзотическими растениями и цветочными насаждениями. Проехали в новый посёлок Кокопо, часть старого поселения Рабаула, засыпанного пеплом, не восстанавливается, всё жилищное строительство ведётся в новом посёлке. Инвестиции в развитие страны Папуа-Новая Гвинея делают австралийцы и японцы 3,5 миллиарда долларов в год, страна входит в Британское содружество наций, построена большая региональная радиостанция. Посетили бар Ralum Club, территория хорошо охраняется, в баре были немцы и австралийцы, работающие на строительстве по контракту, хозяин бара австралиец, очень приветливый, все постройки и здание бара деревянные, довольно старые, остались от католических миссионеров, очень чисто, пиво и напитки довольно дешёвые. Продукты в супермаркетах из Австралии, цены умеренные. Основное население папуасы, много жилищ на сваях. На борту за время стоянки побывало около 150 гостей, было организовано выступление артистов в музыкальном салоне, нагрузка на вахтенную службу была очень большой; выгрузили значительную часть сувенирной продукции и велосипедов. За время стоянки приняли 180 тонн пресной воды, погода была хорошая, маловетрие, ночью был ливень, довольно жарко и душно. Отошли в рейс назначением на остров Трук (Truk) в 06.00 01 мая, без буксиров, перед отходом на борт прибыли два чернокожих иммиграционных офицера из администрации острова Трук в качестве пассажиров, всего на борту имели 311 японских пассажиров.

ГОРОД СТАЛ ЧУЖИМ

Николай ЧАЙКА

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

Мой ангел одержим.
Он смотрит, не мигая.
И город стал чужим,
и стала ты другая.

Диспетчер держит речь.
Дождём рисует кто-то
овал сутулых плеч
у трапа самолёта.

Изжогой сыт пилот.
И морщится июль –
и он страдает от
серебряных пилюль.

И плянется Плутон
на танец полусфер,
и плавится бетон
на взлётной полосе.

Из глаз моих, где след
алмаза в сто карат,
скуля, глотает свет
Малевича квадрат.

Не замкнутая в круг
тефлоновая ночь
тепло срывает с рук,
из сердца гонит прочь.

Наохлились кресты
в железных коробах,
последнее «Прости!»
ладошкой на губах.

И розовый вампир
турбин истошно воеет,
и стюард-конвоир
пустую речь заводит.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Девятнадцатый век. Русь.
Отечество.
Роскошь в золоте плюшевых лож
на галерке волнует
студенчество, –
участь смерда волнует вельмож.

Век двадцатый. Партийная этика:
каждый член на собрание вхож,
голосует партийным
билетиком, –
участь смерда волнует вельмож.

Двадцать первый.
Впервые за денежки
без галерки Россия – под нож.
Гаснет свет. Голодает
студенчество.
Смерд уже не волнует вельмож.

Финиш. Новый альянс
невозможен.
Дух святой исчезает бесследно.
Тот в России уже не вельможа,
кто душой превращается
в смерда.

Он пришёл. Он смешон! –
новый князь.
У него за душой – только грязь.
Понимаю – суровый вердикт.
Что поделаешь, если смердит.

СВЕЧА

(парафраз на тему)

Свеча горела на столе...
Б. Пастернак

Во Тьме, превыше слов,
в Начале –
была свеча... Свеча горела.
Горела на столе с печалью –
была на выданье: созрела.

Свеча горела не случайно –
росла из атомных глубин, –
во Мраке без неё скучали
слепые ангелы Любви.

Разверзлись Тьмы! Они торчали,
глодая Свет! Резвился бес
у изголовья и венчал их –
и звёзды падали с небес.

Бледнея, тени причитали:
Свет гарцевал, как Буцефал –
казалось, был неисчерпаем
в любви свечи потенциал!

Творец в режиме
чрезвычайном –
«Да будет Свет!» – рассеял Тьму,
вручая в кольца обручальных
иную каторгу ему.

Тот передел переварить бы
и дел благих дамоклов меч...
О, не дай Бог слепым увидеть
тела оплавленные свеч!

Тела, безмолвные с гортанью –
казались алчными: в ночи
светились бабочки, сгорая
в бездонном пламени свечи.

В очах торжественно – в Начале,
где бездны в безднах
сплетены –
свеча горела, отлучая
слепого ангела от Тьмы.

Презрев воинственные чары
Небытия, в кромешной мгле
свеча воистину звучала! –
свеча истаяла во мне...

Не мы виновники, а боги!
И лжепророки ведь не мы?..
Для Бога роскошь –
быть убогим:
Ему быть выгодно – немым.

Скелет в шкафу –
живи да здравствуй!
Стихи пишу под хохлому:
Творец страдает, как Герасим,
народ рыдает, как Муму.

ОТ РЕДАКЦИИ.

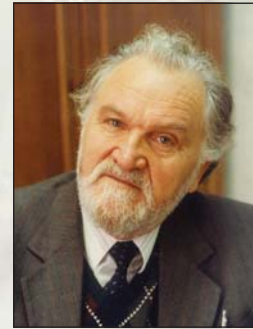
В июле прошлого года Николай
Николаевич Чайка скончался по-
сле продолжительной болезни.

В память о нашем друге и кол-
леге мы подготовили эту публика-
цию.

МУДРОСТЬ ОСЕНИ

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

* * *

Коси, коса, тугую,
Упругую траву.
Кукушечка кукует,
Я счёт веду, не вру.

И если вздох сойдётся
С оттяжкой косы –
Мой голос не собьётся,
Во всю заголосит.

А если сук сорвётся
И веточку качнёт,
Кукушка встрепетётся,
По новой счёт начнёт.

Внимайте доли, воды,
Коса, траву коси,
Мои лета и годы
Округе огласи.

Сколь мною песен спето
И сколько буду жить,
И что ещё поэту
Осталось совершить?

Кукушечка кукует,
Льёт слёзы на траву.
Скажи, судьба, какую
Мне выбирать тропу.

* * *

За дальним перелеском,
Где царственный покой,
Луна плывёт довеском
Над пойменной рекой.

Из-за её короны,
Космической пыли,
Заоблачные звоны
Доходят до земли.

И отражённым блеском,
Подсвечивая дом,
Висит на занавеске
Таинственным пятном.

* * *

Завернувшись в белый ситец
Самых тонких облаков,
Скачет в небе юный витязь
На лошадке без подков.

Бег его настолько быстрый,
Поднимающий волну,
Что летят на землю искры,
Обнажая глубину:

Мелких заводей озёрных
И малиновых колков,
Наливая силой зёрна,
Щедрой влагой облаков.

* * *

Мне отчий дом приснился,
Во сне я видеть мог,
Как чистый пот струился
На тёсанный порог.

Замшелые заплоты
Стояли вокруг села.
Се плоть от вашей плоти
К вам в гости забрела.

Сквозь пелену забвенья
С понишкой головой
По выжженным ступеням
Разлуки родовой.

НЕПОГОЖИЕ ДНИ

Как я люблю в непогожие дни
Изредка в лес налегке
выбираться,
Сил у природы для жизни
набраться,
Ей исповедаться –
мы ведь сродни.
Чтобы в природе себя осязать
Не горожанином и домоседом,
Прыгаю зайцем по чьёму-то
следу,

Чувства в единое сиясь связать.

Лес при дороге раздетый стоит.
Чёрные вены свои обнажая,

Грустные мысли, как птиц,
провожаю.
Крик запоздалый по небу летит.
Падает, стынет на чёрной стене,
Хрупкое эхо скользит по болоту.
Ветер с деревьев сорвал
позолоту
И расстелил на пожухлой
стерне.

* * *

О мудрость осени! Поля
Прошиты болью журавлиной,
Шумит крыло,
разбег недлинный,
Прощай, взрастившая земля.

Прощайте, осень на дворе,
Лугов проплешины, болота.
Несёт зима свои заботы,
Их снег забелит в декабре.

Хочу понять печаль полей,
Простуженных и обнажённых.
В моих глазах замороженных
Нет краше родины моей.

ВЧЕРА

Еще вчера дымилась воды,
Вдруг успокоились, устав,
Сегодня стонут пароходы,
Попав в осенний ледостав.

Уснут пустынные причалы,
Шурша газетной шелухой,
И дебаркадер шестипалый
Забудет летний график свой.

Пройдёт ещё две-три недели –
Не столь и сроки велики –
Укроют зимние метели
Загривок вздыбленной реки.

ИЗВЕСТНО, БОГУ – БОГОВО

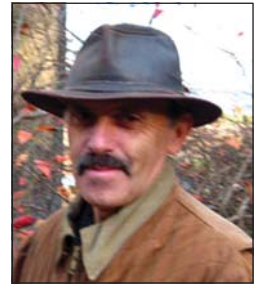
Усвоили, и верится,
Что кесарево – кесарю.
На языке же вертится,
А где же – доля слесаря?

МОЙ ДРУЖОЧЕК

/стихи для детей/

Игорь КАЛИШ,
г. Нью-Йорк

Игорь Калиш родился в 1955 году в г. Киеве. В 1976 году закончил Липецкий Государственный педагогический институт, работал учителем в средней школе. С 1989 года проживает в Нью-Йорке, США. Стихи для детей начал писать в 2010 году. Победитель конкурса, посвящённого Международному дню защиты детей, который проводился в нынешнем году на Интернет-страничке «Избушка на седьмом небе» (сайт Стихи.ру).

ВОРОНА

Ворона сдала
Металлический лом:
Две ложки,
Кастрюлю,
Пилу с топором,
Корыто,
Ведёрко,
Напёрсток,
Иголку...
Приёмщик задвинул
Всё это на полку.

– А нет ли в запасе
Цветного металла?
Ворона, кивнув,
Из кармана достала:
Цепочку,
Кулончик,
Колечко,
Серёжку,
Браслеты,
Заколку,
Блестящую брошку.

Порылась поглубже,
Нашла саксофон,
Потёртый пятак,
Антикварный тромбон.

И каркнув:
– Пррришлю Вам
Вагон ддррагметалла,
С лопатой большой
На Клондайк ускакала.

ОТКРЫТИЕ

Есть чёрные ночи,
Чёрная кошка...
Но Чёрное море?
Странно немножко.

Купался я в нём
И секрет вам открою -
Не Чёрное море,
Оно – Голубое!

РАСТЕРЯШКА

Рано утром гномик Костя
Торопился к другу в гости.
Шёл в ботинках без шнурков,
В колпачке, но без штанов,
В пиджаке, но без рубашки,
Нёс конфеты и ромашки.

Запищали тихо мышки:
– Есть колпак, а где штанишки?
Зашуршали пауки:
– Есть ботинки, где шнурки?
И щебечут громко пташки:
– Есть пиджак, но нет рубашки!

А за ним бежит из дома,
Раскрасневшись, мама гнома
И несёт ему в кулёчке:
Для ботиночков шнурочки,
И штанишки, и рубашку:
– Одевайся, растеряшка!

О ДРУЖБЕ

Говорит Карась Ершу:
– Я со Щукой не дружу!
От её зубастой пасти,
В нашем озере напасти.

Растопырил Ёрш колючки:
– Это что ещё за штучки?!
Ты – мой друг Карась, не трусь,
За тебя я заступлюсь!

Не смотри что неказист,
Я отчаян и ершист!

КАШЕЛЬ ВИРУСОВИЧ ГРИПП

Кашель Вирусович Грипп,
Прилипучий, вредный тип.
Мы его горячим чаем
Спозаранку поливаем,
Укрываем одеялом,
Чтобы Гриппу жарко стало.

Испугался очень Грипп:

– Ой!
Кхе,
Кхе,
Теперь я влип.

От микстуры он вспотел:
– Чих!
И сразу улетел.

МАМА РЯДЫШКОМ ВСЕГДА!

Я ещё совсем безрогий,
Только пятна на боку...
Ой! А ты-то кто, двуногий?
Что за чудо?! Не пойму.

Две косички, нос, реснички...
Нет копытец... Хвостик где?
Держит красные клубнички
И, как я, идёт к воде.

Кто же рядом? Это мама!
Мама рядышком всегда!
Сквозь кусты бегу с ней, прямо
В лес, где вкусная вода.

МАМА БУДЕТ О-О-ОЧЕНЬ РАДА!

Я промок совсем немножко,
Добежав до двери дома.
Ой! В углу малютка кошка -
Видно, спряталась от грома.

Серый маленький комочек,
Лапки мокрые и ушки...
Ну, не бойся, мой дружок,
Я возьму тебя на ручки.

Принесу домой. А мама?
Мама будет о-о-очень рада!
Мой братишка, утром рано,
Притащил щенка из сада.

Я ВРОС В ТЕБЯ, МОЯ ЭПОХА

Александр НИКИТЕНКО,
г. Бишкек, Кыргызстан

* * *

Жил хорошо я или плохо,
но в сердце не гасил огня.
Я врос в тебя, моя эпоха,
как ты сама выросла в меня.
Я снова ставлю ногу в стремя,
взлетаю в шаткое седло,
в котором врос в родное время,
как время в плоть мою вросло.
Бьёт ветер в лоб, звенят копыта
по самой хрупкой из орбит
И жизнь моя в эпоху вбита,
как гвоздь по шляпку
крепко вбит.

КАК МАМАЙ

Жизнь прошла.
Весна настала
и меня живым застала.
Майский ветер.
Шум берёз.
Я смиренен и тверёз.
Искупаем, как Мамай,
встречу ль завтрашний
свой май?

* * *

Бегут пушинки по реке,
легко взлетают, улетают
и в синеве июльской тают,
и исчезают вдалеке.
В подлеске иволга поёт.
Сверкает солнце на затоне.
А я слежу из-под ладони
пушинок ветренный полёт.
Трещат крылами мошкам вслед,
как вертолеты, стрекозы.
И нет на сердце серой прозы,
а есть поэзия и свет.

ОСА

Залетела в комнату оса,
стала рваться сквозь стекло
на волю.
Так и ты несёшь земную долю
но за грань стремишься
в небеса.

ИЗ ЭТОЙ ЖИЗНИ

Гремит река,
ворочает камень.
Зенит зияет сварочной дугой.
Есть мир распада,
тленья
и забвенья...
Но я из этой жизни –
ни ногой.
Покуда солнце
катится
по сини
и обдаёт полынною жарой,
покуда
речка
прыгает
в теснине
и по камням
грохочет
под горой.

РОССИЯНИН В КЫРГЫЗСТАНЕ

Я в Азии моей
забыт страной и веком.
Сквозь суверенитет
тут байство на дворе.
Надену ак-колпак,
пройду родным Бишкеком,
как если б по Тверской
прошёл в кепаре.

* * *

Тяжело тягаться с молодыми
(свой расцвет
попробуй-ка верни):
в Интернете,
словно в наркодуме,
зависают сутками они.
Под завязку
я набит минувшим!
А они
судьбой живут иной.
Им, в своё грядущее шагнувшим,
уступаю
место под луной.

ЗАКАТ

В лазури
облака горели.
И пламень вплавился, бордов,
в две огневые параллели
забликовавших проводов.
Народ гулял в лесопосадке.
А там, вдали,
где мрак густел,
холмы, как синие касатки,
взгибали гребни длинных тел.
Во всю округу
тьма летела,
крепясь у каждого куста.
И только там,
где солнце село,
ещё светилась высота.

* * *

Меня окружали великие люди,
но всё ж до конца
не смогли окружить.
Мне формулу жизни являли
на блюде!
А я предпочёл
не по формуле жить.

ПРЕДЗИМЬЕ

Течёт река – все камешки видны.
И это поздней осени примета.
В ней нет теперь
опасной глубины,
которая была в разгаре лета.
Меня моя бывшая глубина
пьянила риском, удержу не зная.
Да вот теперь иссякла и она.
И тишина в душе моей сквозная.

* * *

Без оглядки
врал в каждый день я.
То сгорал,
то взбирался на трон.
А теперь
сберегаю мгновенья.
Каждый миг –
как последний патрон.

ВАЛДАЙСКОЕ

Лидия СЫЧЕВА,
г. Москва

День тот начинался счастливо для меня: я приехала на Валдай, когда только что прошел дождь. Как сейчас помню блестящие черные тротуары, умытые, свежие домики; деревья, радостно машущие ветвями – похоже, они тоже давно ждали дождя, и – дождались! Ноги сами вывели меня от вокзала к озеру, и я чуть не закричала от счастья – небо было голубое, прозрачное, высокое; озеро – тоже голубое-голубое, с лазурью, с чуть туманистой дымкой. По берегам тесно стояли леса, темно-зелёные, дремучие, а напротив, на острове, блистал золотыми луковками Иверский монастырь. Всё было соразмерно и нужно в этом пейзаже – одинокие тёмные лодки у причалов, острая осока, прозрачность голубой воды, воздух, налитый недавним дождем и лесом, вера человека, так ладно украсившая природу, которую, казалось бы, ни в чем не превзойти, не победить и не превозмочь. Теперь, когда я вспоминаю этот день, мне кажется, что такие мгновения и составляют богатство человека, “золотой запас” человечества. Восхищение красотой лечит нас в тревоге, спасает в старости... Но это я думаю теперь, а тогда я просто стояла на зелёном, пахнущем июлем и всеми его травами берегу, и не в силах была оторвать взгляд от Валдая, монастыря, неба, летящей по делам чайки...

– Мы любим наше озеро, – сказала мне пожилая женщина, которая только что рассталась с подругой (долго они постояли!) и теперь поднималась от берега в свой дощатый дом. Женщина была в простеньком ситце, с добрым умным лицом – наверное, бывшая учительница. В ней угадывалась прошлая красота, да и сейчас она была красива трудно прожитой жизнью, честной, но всё же победившей невзгоды. Я радовалась ей также, как и озеру – её аккуратно прибранным волосам (седина закрашена хной), нитке бус – под рябину – на загорелой шее, благородным, словно тщательно прорисованным чертам лица. Я ответила ей, что я тоже полюбила озеро, что здесь по-другому дышится, и что всё дело в человеке, его внутреннем состоянии. И это наше внутреннее состояние, настрой, меняют мир и мы даже не догадываемся – насколько. Мир – такой, каким мы его видим... Говорила я сбиваясь, будто не вполне была уверена в том, что я хочу сказать; наверное, так это и было.

Учительница понимающе покачала головой и пошла. Я – осталась. У меня был большой, наполовину пустой рюкзак из камуфляжной ткани, белая кепка-бейсболка, сиреневая футболка, зеленые шорты. А ещё у меня была боль в груди – та самая, что с детства, сколько я себя помню, приносила мне столько забот – то я вдруг расстраивалась по пустякам, то приходила

в тихий восторг и грусть, увидев, допустим, зелёный холм, то не могла усидеть на месте – тревожное ожидание счастья сжимало грудь, а счастья всё не было... В юности я “наломала дров”, потому что не знала, как эту боль изжить, заставить её замолчать; нет, не то, чтобы очень болело, скорее, звало невесть куда; и почти нигде я не находила умиротворения, успокоения этому зову; всё меня что-то мучило, чему я не знала названия. А материальная жизнь моя, меж тем, шла своим чередом – люди покупали машины, дачи, планировали уже будущие дома своим детям, а я, стараясь подражать им, всё никак не могла понять: что я?, кто я?, зачем живу? Обидно и радостно было то, что многие другие, не задаваясь этими вопросами, жили припеваючи, а меня всё носило и звало по свету – то ли боль, то ли счастье – этого я не поняла и по сей день.

Но не во мне, в конце концов, дело. Всё-таки я подросла за годы юности, чуть привыкла к своим метаниям, и научилась, как мне казалось, слушать других. Озеро было большим, спокойным, синим и чем сильнее разгорался день, тем синее и ярче оно становилось; я двигалась по берегу, по натоптанной тропинке. Обезумев от асфальтов, я страстно полюбила проселочные дороги, дорожки, тропки, по ним легче шагаешь и думается; и они всегда выведут тебя к нужному месту. Тропинка была долгой, я – терпеливой; уж миновала я тенистый парк на берегу, тихий и чистый, а цель моего движения никак не обозначалась. Наконец я вышла к лодочной станции. Под паспорт и 50 рублей мне дали жестяную плоскодонку, я решительно бросила в неё камуфляжный рюкзак, бывало взялась за вёсла и уверенно двинулась к монастырю, не очень отдавая себе отчет в том, что я делаю.

Плеск голубой воды под тобой и солнце сверху, вдруг повеявший боковой ветер, и рыбаки у камышей, даль озера и даль жизни, которую ещё мне предстояло “прогрести”, и храм, как результат “путешествия”, и одиночество, которое всегда меня находит, а я его пытаюсь победить... До монастыря я дошла минут за сорок, почти не сбиваясь с курса, но на берегу, когда тащила лодку на песок, я уже слегка покачивалась от непривычной усталости и нервного возбуждения. Тут было много туристов, которые добрались на остров другим путем, по суше – недалеко стояло несколько “Икарусов”; туристы глазели на озеро, на лодку и на меня, теперь я тоже входила в понятие “достопримечательность”.

Я бродила по монастырскому двору, пытаюсь понять уклад здешней жизни, её наполненность; видела, как радовались молоденькие девчонки в черном

(послушницы?), когда их руководитель, тоже в черных длинных одеждах, принес им мороженое. И смех, и ах, и подпрыгивания от счастья... Неужели в монастыре, где так много “нельзя”, можно быть счастливым, особенно в юности?! Другое дело, когда много пожил и увидел тщетность и суетность мирского, но в пору начала, цветения жизни... Мне было тревожно в этих стенах, как всегда тревожно перед тайной, на которую у меня нет прав, да и нет сил её постичь.

А на обратном пути я чуть не утонула. Поднялся ветер, и в центре озера, там, где какая-то несусветная глубина, забродила и заходила волна, вполне морская, и я не могла двинуться ни на шаг, сколько бы не налегала на вёсла. Более того, лёгкая моя посудина время от времени стала опасно крениться. Вот тебе и утренний тихий Валдай! Ладони мои пылали от мозолей, плечи гудели, пот застилал глаза. А главное, я не знала что делать – темные волны шли одна за другой, а ветер и не думал стихать, напротив, всё чаще я стала улавливать в нем опасную, нехорошую свежесть.

Отчаянное мое положение заметили рыбаки у камышей. Пренебрегая расстоянием, они стали мне что-то кричать, махать... Наконец я поняла, и начала забирать вправо, к заросшему осокой островку. Дело пошло. С грехом пополам, борясь с течением, я все-таки добрела до желанного спасения, долго отдыхала в затишье у берега, тут и ветер, наконец, стал чуть стихать. Долго еще, кружным путем – от островка до островка – я переходила через Валдай, а потом уже, не рискуя отходить от побережья, двинулась к лодочной станции, часто отдыхая и поглядывая на бурное, неспокойное озеро.

Потом я долго лежала на берегу в траве; тело ныло, и вдруг я затосковала, закручинилась, что я одна здесь, что нет рядом моего любимого – я вспомнила его руки, его объятия, его поцелуи; я прижималась к траве так, как прижималась к нему, но скучала от этого еще больше. А еще вспоминала послушниц из монастыря с мороженым – в моей жизни, конечно, было много греха, но была и любовь – живая, как эта трава, иногда – смертельно-опасная, как нынешнее нахмурившееся озеро, и всегда – чувственно-высокая, дающая силу жить, надеяться, искать... В общем, я любила, и меня любили, и всё это было как-то связано с окружающей жизнью, вплетено в неё. Чувства создают мир, не мысль даже, не наука, не “прогресс”, и уж, тем более, не думские законы, а чувства, и мне хорошо было в валдайской траве думать о моей любви и радоваться ей, и чувствовать, как кстати она здесь – в красках лета, которое было в высшем своём цветении...

К вечеру только я обрела жилищный покой и поселилась в “Гидре”. До этого я обошла все здешние гостиницы и даже съездила за город на турбазу – тщетно, мест не было. День, так хорошо начавшийся, грозил закончиться ночевкой на вокзале. И тут один из прохожих, у которого я спросила совета, сказал, что мне нужно обратиться в “Гидру” – только что открытую крошечную гостиничку Гидрометеоинститута. В затененных лучах озерного солнца, усталая и голодная, я

подходила к гостинице, сверяя с табличками домов записанный на бумажке адрес.

Небольшое двухэтажное здание стояло прямо на берегу Валдая, в двадцати шагах от воды. Пляж был крепко огорожен кованными решетками, вероятно, еще советского времени. Я толкнула калитку в ограде, вошла. На крылечке сидели два полуголых – до пояса – мужика. Один, тот, что в очках с большой оправой, мечтательно курил, другой, с темными казацкими усами, мирно читал толстую книжку.

– Ба, какими судьбами! – закричал мне очкастый как старой знакомой. – Неужто в наш шалаш?!

Я подошла близко, сказала “Здрассте”, скинула рюкзак, слабо разогнала рукой табачный дым и плюхнулась на крылечко. Очкастый воспитанно притушил окурок в майонезной банке. Усатый тихо закрыл книжку и посоветовался:

– Ну что, Эдик, надо идти искать коменданта?

– Надо, Юрик, надо! – радостно подтвердил Эдик и стал рассказывать товарищу дорогу.

Я – блаженствовала. И ноги, и руки, и голова – всё гудело, и как приятно было сидеть теперь на деревянных ступенях и как должное принимать галантную мужскую заботу.

– Откушаете, может, что Бог послал? – заглянул мне в глаза Эдик.

Я отрицательно мотнула головой.

– Потом, значит, как поселитесь, – рассудил мой благодетель. – Вы что же, по работе или как?

Я опять мотнула головой. А вечер плыл, плыл...

Пришла комендантша – красивая и наивная (и одинокая, как пояснил мне потом Эдик) женщина Надя, и почему-то очень смущаясь поселила меня в очень чистом, маленьком и уютном номере на втором этаже.

– Ну вот, – сказала она. – Ребятам хоть поговорить есть с кем теперь. А то мои орловские совсем заскучали.

Она ушла не оглядываясь и шагая скованно, неестественно прямо, а я лихорадочно вымылась, напудрила лицо и чуть подкрасила ресницы и губы, достала из рюкзака немнущийся женский наряд, глянулась напоследок в зеркало и царственно сошла, почти снизошла по лестнице вниз.

– Оля, – весело спросил меня Эдик. – Вы верите в любовь с первого взгляда?

Я сказала, что верю и невольно вздохнула, вспоминая своё.

Потом я сидела за большим, сколоченным из горбыля столом – на всю проектно-изыскательскую партию! – и ела суп, сваренный из пакетов, гречку с тушенкой, а на третьем, конечно же, был крепкий чай в алюминиевой кружке. Шесть мужиков, подперевши головы руками, умильно смотрели на мой аппетит, а Эдик, тем временем, вводил меня в курс дела.

– Во-первых, – внушал он мне, – мы – орловские. Запомни – орловские ребята. Ты хоть знаешь-то вообще, что это за люди?!

– Бунин и Лесков, – кратко оторвала я голову от тарелки.

– Правильно, – похвалил меня Эдик. – Во-вторых,

мы – лесники. Люди благородного труда, древнейшей профессии человечества. В-третьих, мы...

– Командировочные, – ехидно вмешался чёрненький, со смеющимися глазками, мужичок.

– Молодец, Брагин, – строго поддержал его Эдик. – Поэтому в нашей партии налажен быт – готовим вечером по очереди и вас, Оля, ставим на полное довольствие. Утром – лёгкий завтрак, обед – не обессудьте – у нас в лесу, зато вечером – обильный ужин. Устроит вас, ваше величество, такой пансион?

– Мне стыдно, – сказала я, абсолютно бессовестным образом придвигая к себе миску с кашей. – Совестно и стыдно объедать орловских ребят, людей благородного труда и командировочных.

– Ничего не стыдно, – сказал Юрик, тот, что с казацкими усами. – Так и надо. А после ужина мы вас приглашаем на вечернее купание в Валдае...

Весь день орловские проводили в лесу – их группу перебросили в местный национальный парк, чтобы выполнить срочную работу. Они уезжали ранним утром на рафике, мотались по заповеднику, осматривали леса, озера и озерца, речки и родники, кормили оводов, отмечали больные деревья и планировали места возможных вырубок. Возвращались к вечеру. Как-то так вышло, что при общем внимании колонистов ко мне – Юрик, например, привозил мне из леса редких жуков, а Брагин – грибы, всё-таки Эдик особенно выделялся своими ухаживаниями, за что и получил от товарищей кличку “Кавалер”. Мне нравилось, что он любит меня – бескорыстно и беспритязательно, с тем упорством заблуждения, которое бывает у мужчин. Я была не его – он это знал, но он часто рассказывал мне о своей жизни, которую я уж теперь позабыла, а вот чувство его весёлой, глубокой любви ко мне – помню. Он любил меня также, как я любила Валдаю, утреннюю воду, над которой стоял пар, и казалось, что ты плаваешь в теплом, пахнущем всеми травами летнего поля молоке.

Вечерами мы сидели на ступеньках – иногда втроем – я, Эдик и Юрка. Мне запомнилось, как Юрка говорил:

– Сейчас в семьях рожают по одному ребенку. Чтобы показать, мы, мол, не больные, видите, ребеночка можем родить! Потому что если хочешь детей, то на одном не остановишься. Они как-то сами идут...

А я говорила о том, как мне жаль леса, и озера, и воды, и воздух, и от того, что природа скудеет, мне становится больно жить. Валдай чистый, но рыбы в нем почти нет, а из леса пропал зверь, а мужчина, наверное, не хочет детей, потому что вокруг него нет озера с рыбой, а леса – с птицей и зверьем, а так бы он всё это обязательно захотел, а женщина подчинилась бы – куда она денется!.. И еще я говорила, что человечество погубят клоны со вставными органами, наполовину или полностью синтетическими, и в лесах в будущем тоже не спрячешься – везде тебя настигнет радиация. А Эдик говорил, что во всём виновато образование, вернее, его отсутствие. Потому что люди даже не знают, как называются деревья, и поэтому им не жалко их губить. А если бы знали – подумали бы

сначала... На берегу был одичавший парк со множеством кустарников и деревьев, Эдик взялся меня обучать: “Это – жимолость (следом звучало латинское название), это – калина, боярышник...” Но из незнакомого мне я твердо заучила одну ольху.

Мне, конечно, было немного стыдно, что я так припеваючи провожу время на Валдае, и ночами я слышала любимый голос, который меня звал, и я вжималась в белую простынь также сильно, как вжималась в зеленую траву на берегу, и эти минуты желаний были такими невыносимо мучительными, что я готова была родить и десять детей со всеми сопутствующими страданиями; родить, только бы утолить жажду моего любимого, в ком чувствовала я такую силу, которая легко перелетала через Валдайскую возвышенность. Это звала меня любовь, настоящая, единственная, какой уже никогда не будет в жизни, как не бывает второй юности или второй зрелости; я просто купалась ночами в этой любви, она поселяла тоску в каждой клеточке моего тела и я знала, что надо ехать, спешить домой, потому что никогда не надо испытывать чувство придуманными препятствиями; и от забот и воспоминаний я становилась все рассеянной, а мой кавалер Эдик всё печальней. У меня на Валдае оставалось только одно дело, которое я должна была завершить, чтобы со спокойной совестью покинуть эти места. Этим делом был Михаил Осипович Меньшиков, русский публицист, расстрелянный здесь в 1918 году на глазах своих детей. Кое-что я должна была понять и в нашей общей жизни.

Усадьбу на Вороньей горе, где жил в свои последние годы Меньшиков, я нашла легко, она оказалась совсем рядом от “Гидры”. Дом был большой, но сильно запущенный, в нём, по-видимому, жили теперь несколько семей. Так оно и оказалось – сомнения мои прояснил бомжистого вида мужичок. Сашка был работником у одного из хозяев – косил сено, чистил навоз, носил воду скотине... Он же вызвался проводить меня на кладбище; дело было под вечер, и в сопровождении человека “из дурного общества” (дух от него, конечно, стоял тяжелый, так что я старалась держаться в отдалении, чтобы окончательно не пропитаться ароматами босяцкой жизни) мы ходко двинулись с горы.

По дороге Сашка поведал свою немудрящую биографию – детдомовский, жена померла, дочь учится в техникуме, а он зарабатывает на жизнь сбором бутылок да батрачеством. Бутылки, объяснял мне Сашка, лучше собирать ранним утром – меньше конкурентов и больше урожай... Я стала робко размышлять на темы, что, вот, озеро рядом, лето, жара и почему бы иногда Сашке не помыться... Поводырь мой был грубо возмущен:

– Всё же чистое на мне! – он ударял по задубелым от грязи штанам и такой же, когда-то белой рубашке.

По пути он искусно выпросил у меня десятку на “маленькую”.

– Жарко же, – заметила я. – Развезет.

– С маленькой ничего не будет, – авторитетно заверил Сашка.

Вся операция по приобретению в одном из частных домов и выпиванию в кустах сирени самогонки заняла у него не более трех минут. Закусил он луковичей, извлеченной из кармана штанов.

Наконец мы пришли на кладбище. Мы стояли у могилы русского националиста: я, бомж Сашка да кладбищенский сторож Николай. Я читала выбитые на могильной плите слова: "Вера в Бога есть уверенность в высшем благе. Потеря этой веры есть величайшее из несчастий, какое может постигнуть народ", – и думала о своей жизни. Всё в ней проходило в каком-то смятении – святые и бомжи, орловские и валдайские, поиски истины и бездействие... Потом я спрошу в местном краеведческом музее у миловидной, по-столичному ухоженной научной сотрудницы:

– Ну, а кто расстрелял Меньшикова, известно?

Она посмотрела на меня так, будто я свалилась с Луны:

– Да ведь жида его убили. За убеждения...

Дома (вот и "Гидра" стала мне домом!) я рассказывала орловским про Меньшикова, махала руками, пыталась пересказывать его статьи, чувствовала, что у меня не получается, что я не могу выразить то, что хочу, краснела, и чуть не плакала от всего этого. Ребята мои только головами качали. Остывала я в озере, в Валдае, а после, на берегу, смотрела на золотой Иверский монастырь, на глубину, где я по беспечности чуть не утонула, слушала плеск волны, и всё вздыхала, вздыхала... Но если никого не было рядом, я снова начинала "заводиться" и от волнения говорила вслух. Да, жизнь и смерть, и радость, и печаль, и ревность, и любовь – всё так переплетено в нас. И можно жизнь, – я уверена, – сделать красивей, чем она есть, хотя бы на протяжении того мига, когда ты живёшь. А красота живет в нас дольше, чем мы думаем. Живёт и держит нас на земле, привязывая к озерам и деревьям, небу и лесу.

...Орловские вышли меня провожать на крыльцо в полном составе. Мне было радостно, и я улыбалась, когда благодарила колонистов за гостеприимство и радушие. Мы пожали друг другу руки. Эдик, вздыхая, понес мой рюкзак на автобусную остановку.

Время ещё было. Я сидела на остановке и просто лущилась от счастья.

– Ну и кто он? – угрюмо поинтересовался Эдик.

Я пожала плечами: отвечать не имело смысла.

– Между прочим, каждый мужчина имеет право на счастье с каждой женщиной, которую он любит, – приободрился Эдик.

Я опять помолчала.

– Жалко, – вздохнул он. – В лесу дичаешь, поговорить охота. Работа-то какая, не приведи господи, я в тридцать лет ревматизм заработал, по болотам этим лазил.

– Привет Бунину, – сказала я.

– Будешь в Орле, заходи! – встрепенулся он.

Я покачала головой. Нет, не зайду. Я уже уехала отсюда и сегодня мне было больно под сердцем, снова я кляла свою непутевость и небо бежало в вечернее окно автобуса, так бежало, пока я не заснула в тревожном и счастливом предчувствии.

Арсеньевский «замок».
Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, с. Чугуевка

ПОХОД

Людмила БЕРЕСТОВА,
г. Лесозаводск

– Мам, мы завтра в поход идём! – Васька ворвался к маме на кухню, как вихрь, впрочем, как всегда. Потянул носом, и рука сама полезла под полотенце, которым был прикрыт только что испечённый пирог.

– Мамочка, пироги! А с чем?

Мама шуточно хлопнула его по рукам:

– А ну-ка переодеваться и мыть руки.– И пока Васька наскоро выполнял распоряжение, продолжала:

– Да твои любимые, с мясом.

У них в семье никогда не пекли сладкие пироги. Папа любил с капустой или с мясом, мама – с рыбой, а Васька – только с мясом, причём не с мясным фаршем, а порезанным на кусочки и, чтобы луку побольше, тогда пирог становится ароматным и сочным.

– Мам, мы в поход завтра пойдём, – повторил Васька, откусывая кусок, – Ты мне с собой пирога положи, ладно. Ирина Анатольевна сказала взять с собой сухой паёк, то есть, чтобы не готовить там, а взять уже готовую еду.

– Ладно, уж, что-нибудь придумаем. А куда пойдёте?

– Так в поход же! Я же тебе сказал. – Васька смотрел на маму с удивлением.

– Вася, поход – это не место, куда идут, а мероприятие, на котором куда-нибудь идут.

– Тогда я не знаю, – Васька пожал плечами, – но, наверное, недалеко, ужинать-то дома будем.

– Что ещё сказала Ирина Анатольевна?

– Сказала, чтобы обувь была удобная. А ещё разрешила взять с собой какую-нибудь игру. Я, наверное, возьму мяч. Хотя все собираются взять мячи. Что там делать с таким количеством мячей? Можно было взять бадминтон, но воланчик потерялся. Может, я возьму дарты?

– Нет, Василий, это опасная игрушка. Возьми лучше фотоаппарат, который тебе дядя Витя подарил. Фотографировать ты умеешь. Вот и будешь фотокорреспондентом в вашем походе, а потом можно выпустить стенную газету про поход.

– Мам, ну ты молодец. Я бы в жизни сам не догадался. Да и фотик маленький, места много не займёт. – Васька так обрадовался, что тут же побежал в комнату за фотоаппаратом. Это был недорогой цифровой аппарат, пользоваться которым было очень просто. И, что важно, не надо было менять кассеты с плёнкой.

Целый вечер Васька посвятил сборам в поход. Рюкзака у него не было, поэтому он решил приспособить для этого свой прошлогодний ранец. Сложил в него приготовленные вещи: перочинный ножик, спички,

компас с наполовину отломанной стрелкой, карту – листик, вырванный из учебника «География родного края». Он обменял этот листик у соседа-семиклассника за цветной американский журнал с комиксами, который ему ещё в прошлом году привёз из плаванья мамин брат дядя Витя. Все те комиксы Васька уже знал наизусть, а карта была такая неизведанная и загадочная. Мама собрала «сухой паёк»: кусок пирога, два помидора, огурец, немного колбасы, бутылку «Фанты», большое яблоко и горсточку Васькиных любимых сосательных конфет «Дюшес». Ещё она положила льняную салфетку, которую Васька потом незаметно вытащил и оставил дома. «Вот ещё! Салфетки, рюшечки. Что, я девчонка, что ли? – подумал Василий.

Утром, наскоро позавтракав, он помчался к школе. Возле огромного тополя уже толпились одноклассники. Васькины глаза по привычке быстро обшарили группу ребят, ища Леру. Её не было видно, и Васька забеспокоился. Но вот он увидел её светлую головку. Лера сидела на корточках под деревом с девчонками. Они палочками рисовали что-то на земле, при этом тихонько похихикивая. Васька вздохнул. Он не помнил, когда это началось, но эта девочка как-то странно на него влияла. Когда Лера на него смотрела своими большими серыми глазами, Ваську распирало от избытка энергии. Он вёл себя неестественно, выпендривался и хвастался. Иногда даже затевал потасовки с мальчишками, чтобы показать, какой он сильный и смелый. Но взгляд у Леры тогда становился замкнутым и осуждающим. В такой момент он ненавидел её. Хотелось подойти к ней и стукнуть побольнее, чтобы она заплакала. А потом пожалеть её, как он жалел свою маленькую двоюродную сестрёнку. Вот такие противоречивые чувства Лера вызывала у Васьки. Но, однако, Васькины глаза жили как бы отдельно от него. И каждое утро, заходя в класс, они сначала отыскивали Леру, потом успокаивались и продолжали жить нормальной жизнью.

Все были в сборе. Вот на крыльцо школы вышла Ирина Анатольевна. Она была не совсем обычно одета – в брюках и в бейсболке и поэтому была похожа на молоденькую девчонку. Она и на самом деле была молоденькая. После института ей дали классное руководство в 1 Б классе и вот она второй год с ними. Девчонки её обожали. На её столе всегда лежали или конфетка, или яблочко, или домашнее печенье, тайно оставленные маленькими дыхательницами.

– Здравствуйте, второй Б! – Ирина Анатольевна улыбалась, одновременно внимательно разглядывая своих второклашек, – почему не у всех головные уборы?

– Да есть, есть, мы потом наденем, когда солнце будет печь, – загомонили мальчишки, боясь, что их сейчас отправят домой.

– О! Света Нежина, а где твоя мама? Она ведь обещала пойти с нами.

– Ирина Анатольевна, она просила передать свои извинения, что не смогла пойти. У них на работе какой-то мажор.

– Но я одна не могу. Надо ещё кого-нибудь взрослого, – учительница растерянно развела руками.

– Да мы уже не маленькие, Ирина Анатольевна. Пойдёмте. Всё будет нормально. Мы будем слушаться, – ребята уговаривали учительницу.

Посмотрев на ребят и представив, как они расстроятся, если отменить поход, Ирина Анатольевна приняла решение:

– Ну, что ж. Если все готовы, давайте строиться в две шеренги. И пошли...

Они пересекли улицу, потом ещё одну. Потом прошли ряд домов и оказались на опушке лесного массива. Деревья росли не очень густо, и вся рощица просвечивала насквозь. Заканчивался сентябрь, но погода стояла по-летнему тёплая, хотя осень уже показывала себя во всей красе. Разноцветье красок от привычного зелёного до золотисто-жёлтого и багряно-красного вызывало восторг. Девчонки бросились собирать красивые листья и шишечки, которые валялись на земле. А мальчишки выбрали себе палки и сражались, как саблями. Так они прошли рощицу по протоптанной дороге и оказались у подножия высокого, но пологого холма.

– Ребята, давайте поднимемся на эту сопку. Там есть хорошие поляны, да и вид оттуда прекрасный, – предложила Ирина Анатольевна и все с энтузиазмом принялись покорять вершину, – А мальчишки должны помочь девочкам, где-то руку подать, где-то поддержать, как это делают джентльмены.

Ваську сразу потянуло оказаться рядом с Лерой. И, хотя руку он постеснялся ей подать, но был готов оказать помощь. Но Лера была очень ловкой девочкой и оказалась на вершине раньше всех. Василию пришлось не отставать от неё, чтобы не опозориться, но, добравшись до цели, он тяжело пыхтел, и помощь впору было оказывать ему.

– Ребята, а теперь оглянитесь и посмотрите вниз, – Ирина Анатольевна улыбалась.

Все оглянулись и загалдели на разные голоса, потому что зрелищу открылась панорама города. Как на ладони были видны улицы, знакомые дома, даже школу было видно.

– Вон, смотрите, наша школа. Такая маленькая.

– А вон там мой бывший детский сад!

– Смотрите, смотрите, какой-то дым. Может там пожар?

– Да нет. Это дворники листву жгут.

– Какой наш город красивый! А так, пока по улице идёшь, никакой красоты не замечаешь.

Ребята ещё пошумели немного и разбежались по поляне. Кто-то вытащил мячик и стали легонько перебрасываться, потому что мяч мог легко улететь вниз. Девчонки затеяли плести венки из листьев. Как они умудрялись это делать? И вот уже у Леры на голове золотистый нимб, или даже золотая корона, как у королевы. Васька вспомнил про фотоаппарат и стал фотографировать Леру. Она засмузилась и отвернулась. Васька стал фотографировать всех подряд. Мальчишки позировали, принимая разные смешные позы. А девочки хихикали, делали вид, что отворачиваются, но на самом деле оказывались в кадре первыми. Затем они захотели сняться по очереди с Ириной Анатольевной, но Ваське это быстро всё надоело, и он согласился сфотографировать их всех вместе, разом.

Пока они устраивались, решая, кто будет стоять рядом с учительницей, на поляне появились «гости». Это были четыре подростка лет по 15 – 16. Увидев второклашек, они развязно загоготали и принялись делать вид, что сейчас начнут их ловить всех по одному.

– Эй! Малявки! А вы чего здесь делаете? – расставив руки, наступал на них самый старший верзила, – Это наша полянка. А ну-ка выметайтесь отсюда, а не то вам дядя больно сделает.

– Прекратите немедленно, – Ирина Анатольевна встала перед верзилой, – вы чего детей пугаете?

– А ты кто такая? Ты что ихняя вожатая? – из-за спины верзилы выскочил рыжий пацан, – ты, чо, раскомандовалась?

– Это наша учительница, – выступил вперёд Васькин друг – Лёха. Он был повыше всех в классе и считался самым сильным. Васька встал рядом с ним.

– Учительница?! Ой, умора! А мы думали, что она ваша одноклассница, – хулиганы откровенно наслаждались моментом, чувствуя своё превосходство в силе и наглости и видя испуганные глаза девчонок, заводились ещё сильнее, – Ну и что ты, учительница, можешь нам сделать?

– Она нам двойки по поведению поставит, – заржал третий.

Ирина Анатольевна сняла бейсболку и подошла вплотную к верзиле, который от неожиданности попятился и этим вызвал смех у второклашек. Он тут же встряхнулся и чтобы реабилитировать себя в глазах друзей, схватил учительницу за руку. Прошла будто бы секунда, но все видели, как в замедленном кино, как долговязая фигура перевернулась в воздухе и шмякнулась об землю. Наступила пауза. Верзила поднялся с земли:

– Ты... Вы... Чего это дерётесь?

– Я не дерусь. Я применила приём самообороны. У меня первый разряд по самбо. Если не хотите неприятностей, уходите подобру-поздорову. Дети здесь первый раз в жизни в настоящем походе и я не хочу, чтобы у них остался в памяти этот неприятный инцидент, – Ирина Анатольевна нагнулась, подняла свою

бейсболку и лихо надела её снова, теперь уже козырьком назад.

– Да мы и не собирались тут оставаться. Подумаешь, первый разряд! Да мы, если бы только захотели... – рыжий что-то растеряно бормотал и отходил к краю поляны, – пошли, пацаны, что связываться с этими малявками.

Верзила тоже было пошёл за ним, но оглянулся и произнёс сквозь зубы:

– Ладно, мы уходим, но с тобой ещё встретимся, учительница.

– Скатертью дорожка!

Всё это время второклашки стояли, как загнипнотизированные. Чего-чего, но такого они от своей учительницы не ожидали. Это же надо! Первый разряд по самбо! А они ничего не знали!

– Ирина Анатольевна, как вы его на землю уложили!

– А я так испугалась!

– А где вы таким приёмам научились?

– Я не могу поверить! Наша Ириночка Анатольевна...

– А рыжий то, рыжий, перепугался и первый дал дёру...

Чувство победы и гордость за свою учительницу переполняло души ребят. Они вспоминали и вспоминали эпизоды недавнего происшествия.

– Ирина Анатольевна, мы тоже хотим заниматься самбо, – мальчишки обступили учительницу, оттеснив девочек. Количество поклонников явно выросло вдвое.

– Обязательно научу. Только самбо – это не просто силовые приёмы, это – дисциплина в первую очередь и упорство. Если вы готовы следовать этим правилам, то скоро и начнём занятия. А теперь, моему, наступило время обеда, не так ли?

Все потянулись к своим сумкам, рюкзакам. Расселись по краям поляны, отвернувшись друг от друга, и начали шуршать обёртками. Ирина Анатольевна сначала недоумённо посматривала на своих второклашек. Потом сказала:

– Ребята, так в походах не обедают. Надо делать общий стол и складывать всю еду в один, так сказать, котёл. Чтобы ощутить общность момента и почувствовать плечо товарища. Как в песне поётся: «И хлеба горбушку и ту пополам...»

Васька уже здорово проголодался и, что греха таить, ему было жаль делить свой кусок пирога, но, глядя, как девчонки расстилают свои скатёрочки на середине поляны, он тоже отправил свои припасы на общий стол. Только яблоко оставил в кармане, на всякий случай.

Сидя за импровизированным столом, ребята ели всё-таки свою еду и поначалу вели себя скованно, но потом расшевелились, начали подшучивать друг над другом. В конце концов, расшумелись так, что Ирине Анатольевне пришлось успокаивать наиболее активных.

После обеда, всех разморило на солнышке. Играть и бегать не хотелось и девчонки уговорили Ири-

ну Анатольевну рассказать какую-нибудь историю.

– Ну, хорошо. Если будете слушать, расскажу.

И она рассказала увлекательную историю про больного мальчика, которого спас гениальный доктор. Мальчик умирал от воспаления лёгких и доктор заменил ему часть лёгких на жабры так, что он мог дышать и воздухом и жить под водой, как рыба. Мальчик вырос и превратился в прекрасного юношу, которого тянуло к людям. Однажды он увидел красивую девушку и влюбился в неё. Но отец девушки был жадным человеком и отдал её в жёны богатому и корыстному судовладельцу. Кроме того, он рассказал своему зятю о юноше, который может находиться в воде очень долгое время. И судовладелец решил поймать этого юношу и заставить работать на себя, доставая из морских глубин жемчуг, который очень дорого стоил и использовался в женских украшениях. В конце концов, это ему удалось. Он посадил юношу в бочку с несвежей водой и продержал его там непозволительно долго, так, что теперь юноша не мог дышать воздухом, а мог жить только в море. Его спасли друзья и доктор, а также девушка, которая тоже его полюбила. Но быть вместе, им было не суждено. Они простились навсегда. Этого юношу звали «человек-амфибия».

Девчонки слушали и хлюпали носами, у мальчишек на лицах читалось разочарование, хотя они делали равнодушный вид и подсмеивались над девчонками.

– Ну что? Пора домой? – Ирина Анатольевна поднялась и стала отряхиваться от прилипших листьев, – солнышко уже на закат перевалило.

Все начали собираться, подбирать раскиданные по поляне вещи.

– Ой! Как не хочется уходить! Здесь так хорошо!

– А кто видел мой мяч?

– Ирина Анатольевна, а Петров мои шашечки раскидал.

– А ты – ябеда-корябеда!

– Ребята, заканчивайте. И все пошли вниз, – учительница проследила взглядом опустевшую поляну.

До школы добрались всего за полчаса, то есть почти в два раза быстрее. Вот парадокс – обратный путь всегда короче. У школы попрощались и разошлись по домам, каждый со своим впечатлением и какой-то неуловимой грустью. Василий тоже было отправился домой, но, вдруг резко развернулся, догнал Леру и сунул ей в руку яблоко, при этом покраснев как рак. Лера улыбнулась ему и сказала:

– Спасибо. Правда, сегодня было хорошо?

– Угу, – Васька кивнул.

– А ты – молодец, смелый. Как вы с Лёхой за Ирину Анатольевну заступились, – она помолчала, потом добавила, – Завтра воскресенье, приходи на нашу детскую площадку, там хорошо.

– Ладно, приду, – Васька улыбался. Он немного пришёл в себя, – Ну, тогда до завтра, – и вприпрыжку счастливый побежал домой.

ИЗ РУК В РУКИ

(Из цикла «КРОХОТКИ»)

Георгий ПАШНЁВ,
г. Москва.

Году эдак в 1989-м, а может, и раньше, один вчерашний преподаватель социологии из Военно-политической академии шустро слинял из Армии (в чине полковника), «прилип» к предпринимателю, а тот задружился с «макаронниками», которые ему пообещали немного денег на раскрутку в России своего проекта – газеты Бесплатных объявлений. Такими изданиями уже был полон западный рынок (типа «ди цвайт Ханд» в германо-язычных странах, «Сэконд хэнд» в англосаксонских или «Секондомано» в Италии). Бывший полковник набрал бригаду журналистов, чтобы двигать это дело. Команду, как сейчас говорят. Среди них угораздило оказаться и мне.

На меня пало самое «простое»: 1. название; 2. первая структуризация потока будущих объявлений, а проще – рубрикация разделов; и 3. ...Бизнес-план. Это тогда-то! Сейчас на любом книжно-брошюрном развале навалом книжек типа «Как составить бизнес-план», а тогда...

Суворовская фраза о напоре и натиске в моей голове, не помню уж, крутилась ли, но я действовал в полном с ней соответствии – по всем пунктам.

О названии. Из моих 27 названий (1 вариант) на общей сходке оставили 7 (2 вариант), из которых я должен был остановиться на конечном (3 вариант, и последний).

На третьем заседании «команды» я предложил «Из рук в руки» – как самое точное, как мне казалось, литературное переложение на русский английского «Сэконд хэнд» (попользовался товаром, хочешь его продать или уступить новому владельцу, то есть товар из *одних рук* передаётся в *другие руки*), тем самым невольно сделав благодарный поклон Инессе Соломоновне Стамм, преподавателю английского на 1 курсе журфака МГУ.

Бывший полковник хотел поднять меня на смех и предложил (как знаток социологии) такое название для газеты: «Московский Мониторинг Вторичных Товаров», добавив, что очень просто будет нарисовать две «М» первых слов, совместить их... Дальше этого «шедевра» его кучерявая социологическая голова не петрила.

Опытные журналюги смолчали при выступлении бывшего полковника (а теперь заказчика, т.е. плательщика!) и, чего он никак не ожидал, неожидан-

но поддержали меня. Что я расценил как победу демократии в чистом её виде, а не торжество презренных денег.

Повисло краткое молчание, напряжение которого было очень высоким. Даже показалось, что в помещении запахло озоном.

Тут Икар Л. Марголин, тогда нештатный художник журнала «Сов. Союз» (сейчас где-то в Штатах, кажется, в Сан-Франциско – уехал вслед за детьми на родину своих предков), заговорил, как всегда, обиженным голосом, но тем не менее неожиданно взял мою сторону. Его позиция мне-то была ясна: ему проще вывести рукописным шрифтом «Из рук в руки» (10 букв), чем «увекочивать» полковниково название, составлявшее... посчитайте буквы сами.

Бывший полковник, досадуя на несговорчивость наёмных творцов (набранных им самим!), вскричал на меня, настыдил, что как, дескать, мог я, журналист, придумать название, «состоящее из одних предлогов». Но я не сдался! И получил поддержку всей «команды».

Потом был первый номер, плата за участие (пожалуй, чуть побольше стоимости билета на трамвай), потом надо было решаться на сумасшедшую работу по становлению газеты («с утра до полуночи, я вас предупреждаю!» – угрожал бывший полковник), а у меня на тот момент дочери было 2 года (и без дедушек-бабушек – руки жены да мои!), сын подросток (не упустить бы его взросление с этой гнилой перестройкой!) – и я отказался от дальнейшего участия в газете, у которой уже было своё (то есть моё!) имя: «Из рук в руки».

...Осенью 2006 года прочёл, что Леонид С. Макарон (бывший полковник) продал бизнес в издательстве этой газеты за сколько-то млн. руб. Родителей он давно переправил за океан, теперь сам намеревался поехать отдыхать – от трудов по становлению в России газеты Бесплатных объявлений да обучению в каком-то самопальном вузе будущих рекламистов тому, как это: делать рекламу по-большому.

Мне рассказывали, как он это делает, и мне по давней памяти слышится его экс-социологический, со взвизгиваниями, голос, повествующий, как он придумывал название газете и ставил её на ноги.

КАК В ДЕТСКОМ САДУ ЖДАЛИ ФОТОГРАФА

Людмила ЩИПУНОВА,
г. Владивосток

На колхозном собрании решили строить ясли-сад. С того дня и дома, и у конторы, и у магазина, и у колодца – везде, где встречались сельчане, не умолкали разговоры взрослых о предстоявшем событии. Ребятишки сновали тут же, слушали разговоры взрослых, «мотали», как говорится, «на ус». Потом бежали в центр деревни, садились на брёвна, смотрели, как рубили мужики под ясли-сад самую большую избу и, отгоняя ветками докучавших паутов, делились услышанным. Выговорившись, терпеливо поджидали наступления сумерек, чтобы возвращаться домой рядом с отцом.

Ранним утром, аккуратно в пятую годовщину Победы, у калитки обнесённого изгородью двора, собрались чуть ли не все жители Обки. В окнах детсада, облицованные и ставни которых были любовно украшены резьбой, вспыхивали весёлые огоньки. На охлупне, у конька то и дело поворачивался флюгер от набегавшего шкодливого ветерка. А на деревьях гомонили птицы, любопытно-опасливо поглядывая на два новеньких домика-скворечника. Кто-то сказал, что из Зеи едет фотограф. «Ой! Фотограф – это да!» Сердца ребятишек были переполнены ожиданием чуда.

В распахнутые двери дети вошли притихшие. Лишь девочка с черными кудряшками не отпустила юбку спешившей на работу мамы и, отталкивая руки няни, кричала:

– Зя и хосю-ю!

Смешно сморщив нос, подбежал к ней русоволосый мальчик. Это был Валерка, сын няни Маруси. Он протянул ей вырезанный из лозы свисток, и девочка умолкла.

В то утро в детском саду побывало немало гостей. Однако фотограф так и не приехал.

Прошло два месяца. В один из дней воспитательница Клава объявила, что фотограф приедет сегодня, усадила детвору на скамейку и прочитала им сказку о доброй девочке Машеньке, доставшей из колодца ведро, полное игрушек. За окном уже огляделся день, когда две кудрявые головёнки – русая и чёрная – показались над подоконником. Малыши долго смотрели на другую сторону улицы, где колодезный «журавль» кланялся всякому, пристегнувшему к его «ноге» ведро, и скользил глубоко в сруб за водицей.

– Тама стласно? – спрашивала с придыханием девочка, – Лазе не-а?

– Не-а, фто ты! – мотал головой мальчик.

Мимо окна с биллом и колотушками прошёл сторож. Разглядев через стекло две пары любопытных глаз,

он стукнул тихонько по раме и погрозил пальцем.

– Он сто ли злой? – отпрянула от окна девочка.

– Фто ты! Ффвонит он! – поспешил успокоить её Валерка.

Придвинув табуретку, малыш вскарабкался на подоконник и прильнул к оконному стеклу.

– Вон фто! Мотли!

– Ся! – отозвалась та и взгромоздилась следом.

Встав на цыпочки и затаив дыхание, они следили за сторожем. А тот дошел до рельсы, висевшей на высокой перекладине, и ударил по ней биллом, потом – колотушками. Высокий пронзительный звук разорвал тишину, пролетел над деревней и унёсся к колхозным полям, где работали мамы малышей. А сторож опять ударил. И опять. Чтоб услышали все: пришло время обеда.

В саду тоже детей позвали к обеду. Пропуская подружку, мальчик прижался к стеклу. Оно треснуло. Зазвенев, посыпались наружу осколки. Оба испугались и заплакали. Воспитательница отправила их в угол.

– Оно фамо! Не виноватые мы! – сопротивлялся малыш.

– Мы же не виноватые и доблые, – поддакивала девочка.

Но воспитательница лишь строго посмотрела на них. Наконец, что-то вспомнив, Валерка перестал плакать и таинственно зашептал на ушко соседке:

– Побефали мотлеть фулавля! Набелём иглуфек!

Девчонка намотала на мизинчик чёрный локон, покопалась в ухе и утвердительно кивнула.

В час, когда разомлевшие дети уснули, а воспитательница вышла помогать нянечке убирать обеденный стол, две маленькие фигурки соскользнули с топчанов, оделись и пробрались к выходу. Постояли за дверью. Никого... И шмыгнули через двор к дереву, в дупле которого жили синички. Запрокинув головы, послушали попискивание птенцов, помогли муравью перебраться через трещину в коре. Потом открыли калитку и побежали на другую сторону улицы.

Колодезный сруб оказался закрытым тяжёлой деревянной крышкой. Зато над ним висела та самая «нога журавля». Они проверили на ней каждую чёрточку. И даже потрогали крюк, на который вешают ведро! Насмотревшись досыта, уселись отдыхать между срубом и изгородью, прямо перед синими колотушками и лиловыми кукушкиными платьями. Их глаза блестели от удовольствия! Они смеялись.

– Р-р-р-ми-а-у! – раздался вдруг грозный кошачий вой.

ПЕРВЫЙ ИНТЕРНЕТ-СЕМИНАР МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

В современной культурной жизни России важное место занимают литературные семинары, на которых известные поэты, прозаики, критики обсуждают творчество молодых авторов, дают ему оценку, выделяют наиболее талантливые рукописи, дают рекомендации на публикации в печатных изданиях и на выпуск книг. Такие семинары дают молодым авторам уникальную возможность поучаствовать в культурной жизни, услышать мнение мэтров о своих произведениях, по-новому взглянуть на свое творчество и на литературу вообще.

Но что делать, если по материальным или каким-либо иным причинам молодой талантливый автор не может приехать в крупный город, где проводится семинар, или известный писатель в силу своей творческой занятости не имеет возможности лично встретиться с молодежью для литературного общения? Эти проблемы неоднократно вставали перед писательскими кругами России.

В 2011 году в Омске было создано Литературное сообщество «Кредо», членами которого являются известные омские авторы И.Егоров, Е.Асташкин, Н.Елизарова и ваш покорный слуга. Нашей организацией была выдвинута идея о проведении семинара в Интернет-пространстве. В настоящее время мы формируем Интернет-жюри, в которое войдут известные литераторы из разных регионов России и зарубежья, и приглашаем молодых авторов со всей страны прислать рукописи на наш электронный адрес: yakozyr@rambler.ru. Рукописи получают оценку маститых писателей, имеющих опыт проведения литературных обсуждений, а лучшие произведения будут опубликованы в литературных изданиях Сообщества «Кредо» – альманахе «Тарские ворота», журнале «ИртышЪ-Омь», а также в альманахе «Точка зрения», главным редактором которого является автор этой статьи. Кроме того, возможны публикации и в иных изданиях в России и за рубежом.

Наш Интернет-семинар ни в коем случае не может восприниматься как альтернатива семинарам традиционным, необходимость которых для литературной жизни доказана временем. Но он, несомненно, будет полезен как дополнение к ним, как их аналог, как новая интересная и перспективная форма литературного общения, основанная на Интернет-технологиях, за которыми – будущее!

Приглашаем всех молодых и талантливых писателей – поэтов, прозаиков, драматургов – принять участие в нашем Интернет-семинаре! Заинтересованное и благожелательное внимание известных литераторов гарантируем!

Итак, дерзайте!

Андрей Козырев,

**член литературного сообщества «Кредо»,
главный редактор альманаха «Точка зрения».**

Беглецы увидели надвигавшегося на них по жерди забора взъерошенного рыжего кота с поднятым хвостом и острыми когтями. И прижались к срубу. А когда из-за изгороди выскочила большая собака и, злобно рыча, бросилась к коту, у них совсем душа в пятки ушла. Обхватив руками колени, они зажмурились глаза и заплакали. Но не в голос, потому что от страха перехватило дыхание. Тут послышались шаги. Кто-то шёл мимо. Идёт-идёт – постоит. Идёт-идёт – постоит. Русая и чёрная головки вмиг показались над срубом.

По обочине дороги в серой посконной рубахе с пояском шёл дедушка Безяев. Они узнали его! Совсем недавно он приходил в детский сад и давал малышам подержать небольшой, темный, будто каменный, кусочек хлеба, привезённый им в солдатской котомке из Ленинграда.

– Даже такого вот хлебушка не было вдоволь у детишек, а свежие зернышки и вовсе были несбыточным лакомством, – говорил тогда он им.

Сейчас дед шёл вдоль улицы, то и дело склонялся, ощупывая руками землю, и пытался поднять семечки, высыпавшиеся из прохудившегося кармана. Да вот беда: глаза его после ранения видели совсем плохо. Он беспомощно остановился и закрыл их ладонью. Малыши подбежали к нему, опустились на корточки, поднимая упавшие плоды. Цену зёрнышку после войны они знали хорошо.

– Здравствуйте, люди добрые! Бог в помощь, – раздался веселый голос.

Невысокий темноволосый мужичок будто из-под земли вырос. За спиной его – котомка тяжёлая, на правом плече – большая деревянная тренога, а в левой руке – деревянный же ящичек.

– Не скажете ли, где это тут ясли-сад?

Видно было, мужик устал. Но лицо его освещала улыбка.

– Вот эти две кудрявые егозы и доведут тебя, мил человек. Али нет? – откликнулся дед.

Ребятишки ухватились за веревки у ящичка и засеменили впереди мужичка.

По случаю приезда фотографа (а это был он), в детском саду поднялась суматоха. И о беглецах забыли. Воспитательница Клава, рассаживая детей, Людку поставила у окна, чтобы на глазах была, а счастливый Валерка забрался на руки мамы – няни Маруси.

– Дети, синичка с птенчиками летит, – сказал фотограф. – Смотрите!

Он взмахнул рукой и щёлкнул дверцей фотоаппарата.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные отписки **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2011 ГОД

Стоимость полугодового абонемента – 300 рублей, годового – 500. Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Ко'стылева Владимира Александровича** по адресу издания:

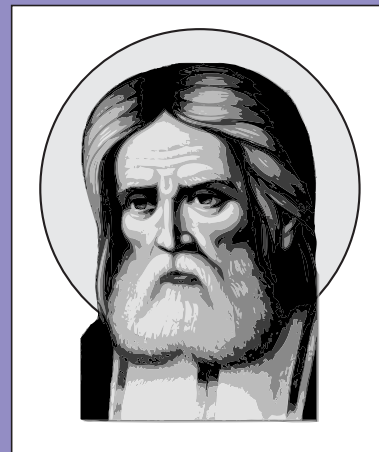
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся **НЕ НЕСЕТ**.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенно вожделев, непрестанною
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Озеро Байкал. Фото неизвестного автора

Памятник капитану Я. Дьяченко. Фото Алексея БОГДАНОВА, г. Хабаровск